

РАФАЭЛЬ ТИМОШЕВ
ОКО ИНДРЫ

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Рафаэль Тимошев

Око Индры

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

Тимошев Р. М.

Око Индры / Р. М. Тимошев — «ВЕЧЕ», 2025 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-5686-2

В новую книгу известного писателя Рафаэля Тимошева вошли две увлекательные научно-фантастические повести – «Око Индры» и «Ликвидатор». Все началось с утреннего визита рядового сотрудника института к специалисту по индуизму профессору Зеленину. Оставленный сотрудником древний артефакт оказался не только источником зашифрованной информации о мистическом «Оке» восточного бога, но и стал причиной цепи захватывающих драматических событий, в которые невольно были вовлечены и герои повести, и даже их далекие предки. В не столь уж отдаленном будущем технологии человечества достигли уровня, когда стало возможным создание искусственных людей – клонов, копий реально существующих мужчин и женщин, но с многократно улучшенными способностями и усовершенствованными органами, например, с квантовым компьютером вместо мозга или с ядерным мини-реактором вместо сердца. Так возник проект «Аналоговая трансформация», официально преследующий исключительно гуманистические цели. Но у всего есть обратная сторона...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5686-2

© Тимошев Р. М., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Око Индры	7
I. Ранний гость	7
II. Фральцев	12
III. Загадочное исчезновение	20
IV. Пропавшая экспедиция	25
V. Тайна Володина	29
VI. Встреча на Арбате	34
VII. Нелегкое решение	38
VIII. Отель «Лазурный Дельфин»	45
IX. Под южным небом	51
X. Мартин Маркович	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Рафаэль Тимошев
Око Индры
НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

© Тимошев Р.М., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Око Индры

І. Ранний гость

Профессору Владимиру Ивановичу Зеленину не спалось. Казалось бы, все готово к предстоящему совету, доклад по генезису ведической мифологии – плод почти шестилетних исследований – продуман до мелочей. Ан нет же, необъяснимое беспокойство не оставляло его еще с вечера! Оно не было похожим на то чувство, которое он испытывал молодым педагогом – за годы работы он привык к переполненным аудиториям и давно уже не волновался на публике. Скорее это было мучительное предчувствие чего-то тревожного, неясного, причину которого он весь вечер силился понять. Оттого и лезли теперь, точно тараканы, в голову самые бредовые мысли, изводя и отгоняя сон...

«Встану совершенно разбитым, – подумал вконец измученный Владимир Иванович. – А завтра нужна свежая голова. Надо как-то заснуть...»

Неожиданно вспомнил – лучшее средство от бессонницы, как утверждал кто-то из коллег – радио или телевизор. Отвлекает якобы от мыслей. Осторожно, дабы не разбудить жену, поднялся, тихо прошел в зал и, одернув шторы, распахнул окно.

В комнату ворвался не успевший охладиться за жаркий июньский день воздух. Пахло раскаленным асфальтом и выхлопными газами. Владимир Иванович устало склонился над подоконником.

Москва жила ночной жизнью – горели уличные фонари, переливались разноцветьем рекламные вывески. Несмотря на поздний час, сновали автомобили, разнося по улице рев перегревшихся моторов...

Похоже, в сквере напротив тусовалась ватага молодых людей – когда на мгновение стихали звуки очередного авто, до слуха доносились их приглушенные голоса и смех. Во двор дома, нырнув под арку, проплыла темная иномарка, пробухав басами вывернутых на всю мощь динамиков...

Зеленин торопливо захлопнул окно, задернул штору и, пройдя к дивану, нащупал пульт телевизора.

Некоторое время тупо тарачился на мерцающий экран, но вскоре поймал себя на мысли, что лишь бессмысленно переключает каналы, даже не пытаясь вникнуть в смысл мелькающих картинок. С раздражением отключил телевизор – экран, протрещав, погас, и пульт отлетел на край дивана. «Какая ерунда!» – в сердцах подумал он.

Прошлепал в ванную, включил свет; открыл кран, плеснул на лицо освежающую влагу. Подняв глаза, уставился на отражение в зеркале – на него пристально смотрел усталый мужчина лет пятидесяти, с посеребренными висками и начинающей седесть бородкой-шотландкой...

«Ну, и рожа... – сокрушенно подумал Зеленин. – Немедленно спать!»

Он выключил свет, зашел на кухню и начал рыться в ящике с медикаментами, мысленно ругая «вечный» в нем беспорядок. Наконец нашел пачку снотворного, забросил таблетку в рот и запил водой.

Но заснул Владимир Иванович не сразу; долго ворочался и забылся только под утро. Когда же в прихожей раздался звонок, он, очнувшись, почувствовал, что совершенно разбит и смертельно хочет спать. Звонок повторился – неуверенный, короткий. Сквозь щелки глаз Зеленин посмотрел на часы; было без десяти пять.

– Володя, кто-то звонит, – сонным голосом пробубнила Елена Владимировна.

– Слышу... Носит же кого-то.

Ворча, Зеленин поднялся, набросил халат и, шаркая по полу, вышел в прихожую.

Звонившим оказался Володин, старший сотрудник научно-исследовательского отдела института, за все время работы с которым Зеленин общался едва ли больше двух раз. Щуплый, невысокого роста, с взлохмаченными светлыми волосами. На оттопыренных ушах наброшены скосившиеся на правую щеку дужки огромных роговых очков...

Владимир Иванович недовольно уставился на незваного гостя, показавшегося Зеленину еще более неказистым и неопрятным, чем выглядел обычно.

Тот несколько раз нервно одернул засаленную спортивную куртку и, поерзав руками, не зная, куда их деть, виновато улыбнулся:

– Нижайше прошу прощения, Владимир Иванович, за столь ранний визит... У вас сегодня трудный день, но, – он смущенно замялся, – очень неотложное дело...

– Что-то стряслось? Инопланетяне высадились? – Владимир Иванович поморщился: в ушах его звенело. – Кажется, Константин Дмитриевич?

– Да, он самый... Вы позволите войти? – неожиданно спросил гость.

Зеленин удивленно посмотрел на него.

– Ну, входите... Все равно разбудили.

– Благодарю.

Они прошли на кухню.

– Присаживайтесь, – сонным голосом пригласил гостя Зеленин.

– Спасибо...

Володин присел на край стула.

– Еще раз прошу извинить...

– Ладно, считайте, что извинил. Кофе будете?

Володин глянул на ручные часы.

– Пожалуй...

Зеленин прикрыл дверь в кухню и, пройдя к столу, включил кофеварочную машину.

– Так что у вас стряслось? – спросил он.

Володин замялся.

– Понимаете ли, Владимир Иванович, мне необходимо срочно отъехать.

– Командировка?

– Не совсем так – должен ехать по срочным личным обстоятельствам.

– Ну, и чем же я могу быть полезен?

Зеленин поставил чашку под кофеварку и нажал на кнопку. Кофеварка затарахтела, перемалывая зерна, и через минуту черная струйка, разнося по кухне кофейный аромат, забулькала в посуду. Володин терпеливо ждал. Владимир Иванович поднес чашку гостю:

– Пьете с сахаром?

– Нет, не беспокойтесь...

– Со сливками?

– Нет, спасибо, я так.

– Ну, как желаете...

И, подумав, произнес:

– Пожалуй, тоже выпью... Все одно уже не заснуть.

Он подошел к кофеварке. Володин хотел было что-то сказать, но кухня вновь наполнилась треском дробящихся зерен, и он промолчал.

Когда кофе было готово, Владимир Иванович, не спеша, устроился с чашкой напротив.

– Так зачем же я вам все-таки понадобился, Константин Дмитриевич? – спросил Зеленин, отхлебывая дымящийся напиток.

Володин также сделал глоток, опустил чашку и смущенно посмотрел на хозяина сквозь толстые стекла очков. Увеличенные линзами, его бледно-коричневые глаза показались неестественно большими.

– Я бы хотел оставить у вас, Владимир Иванович... на некоторое время... одну вещицу. Родовую, так сказать... Она дорога мне как память. И взять ее не могу по ряду обстоятельств, и оставить не решаюсь. Вы, наверное, знаете, я живу один... Все может быть...

Зеленин вновь отхлебнул из чашки.

– Странная просьба, Константин Дмитриевич, для пяти часов утра, – сказал Зеленин. – Что это хотя бы за вещь? Большая?

– Совсем нет, Владимир Иванович, небольшая...

– И что это?

Володин вновь замялся.

– Одна антикварная вещица. Она передавалась у нас от отца к сыну...

– Но вы же только что сказали, что едете «по личным обстоятельствам». Уж не к родственникам ли?

– Я не сказал к родственникам, я сказал – «по личным обстоятельствам»... Именно по этим обстоятельствам мне и не хотелось бы иметь ее при себе. А прямых родственников у меня нет...

– А из кривых? – усмехнулся Зеленин.

На лице Володина появилось подобие улыбки:

– Из «кривых» есть только дальняя родственница... Я ее никогда не видел – разыскала меня через одного человека. С него все и началось, – почему-то грустно добавил он. – Несколько раз общались по телефону, приглашала к себе...

– И что же не съездите? – спросил Зеленин.

Володин пожал острыми плечами:

– Пока не удавалось.

Они помолчали.

– И по какой же линии оказалась родственница? – вновь спросил Зеленин.

Володин глубоко вздохнул.

– Если честно – понятия не имею. – Володин дрожащим пальцем поправил очки на переносице. – Мне было восемнадцать, когда потерял родителей – автомобильная катастрофа, знаете ли... О ней же они ничего не говорили. Да и я, если сказать по правде, особенно не интересовался. А вот со слов того человека, лет сто назад нашими общими предками были некие два брата и сестра. Сестра, кажется, вышла замуж за француза, ее след затерялся. Одного из братьев – еще молодым – то ли застрелили на дуэли, то ли убили на Кавказе... Точно не знаю. А второй, видимо, и стал моим прадедом. Красивая легенда, не правда ли?

Профессор усмехнулся:

– Красивая... Выходит, вы «голубых кровей»? Хотя в нашем роду тоже ходит легенда, будто кто-то из предков стрелялся на дуэли. Не знаю из-за чего и кто именно. К сожалению, не принято у нас знать дальше второго колена.

Зеленин потер висок.

– И все-таки как-то туманно, Константин Дмитриевич... Скажите, как на духу, почему вы обратились именно ко мне?

– Владимир Иванович, из тех, кого я знаю, вы живете ближе всех. Искать кого-то еще – времени нет. Должен ехать незамедлительно. Так что не обессудьте, что потревожил в такую рань. Уж все так складывается... – Лицо Володина неожиданно побледнело. – К тому же обратиться к вам посоветовал Фральцев...

Зеленин поморщил лоб:

– Фральцев? Не знаю такого...

– Как же так? – растерянно пробормотал Володин.
– Может, кто из наших соискателей? – предположил Зеленин. – Ну, да бог с ним! Скажите лучше, куда вы хотя бы едете?

Володин помолчал.

– Недалеко...

Зеленин внимательно посмотрел на гостя.

– Опять туман. Это, в конце концов, не мое дело, но согласитесь, Константин Дмитриевич, странно все это...

– К тому же, – торопливо добавил Володин, – я буду покоен – вы все-таки ученый, специалист по древней Индии. Уверен, если что случится, сумеете распорядиться этим предметом, как никто другой. Так сказать, буду знать, что передал свое «родовое» в надежные руки.

– Ну, знаете ли, Константин Дмитриевич! Уж не криминальное что?

– Ни в коем случае! – взволнованно воскликнул Володин. – Всего лишь старинная реликвия! Небольшой свиток, можно сказать записка... На санскрите...

– На санскрите? – поперхнулся Зеленин.

– Вот именно!

– И как же она попала к вашим предкам?

– Длинная история, Владимир Иванович... Обязательно расскажу, когда вернусь. – Володин помолчал. – Так вы согласны?

Владимир Иванович посмотрел на лицо гостя, выразившее одновременно и тревогу, и надежду. Это выглядело достаточно искренне.

– На санскрите, говорите? – медленно произнес он, не отрывая глаз с Володиной. – Любопытно...

Владимир Иванович встал и походил по кухне.

– Хорошо... Но надолго ли уезжаете?

– На день-два, – торопливо ответил Володин.

Зеленин присел.

– На день-два... Ну-с, и где же ваша «реликвия»?

– Здесь, со мной, – пересохшими губами произнес Володин. – Так вы согласны? – вновь повторил он.

– Согласен, – уже с раздражением ответил Зеленин. – Давайте же ваше сокровище и покончим, наконец, с этим...

Володин торопливо вытащил из куртки толстый сверток, тщательно перемотанный коричневым скотчем, и неуверенно протянул его Зеленину.

– Не скрою, Константин Дмитриевич, все это для меня, по крайней мере, странно, – произнес Владимир Иванович, рассматривая реликвию. – Ну, да бог с вами... Исключительно доверяясь вашей порядочности!

– Спасибо, Владимир Иванович!

– Володя, ты где? – послышался приглушенный голос из спальни.

– На кухне... У нас гости, – громко ответил Владимир Иванович. – Жена проснулась, – словно извиняясь, отчего-то шепотом сказал он коллеге.

– Понимаю, – заторопившись, также шепотом проговорил Володин. – Благодарен, что выслушали и пошли навстречу. Большое спасибо! Вы меня выручили.

– Не стоит. Труда большого нет.

Они встали.

– Успехов вам сегодня, Владимир Иванович, на совете, – прощаясь, сказал Володин и протянул руку.

– А вам решить все проблемы, – пожелал в ответ Зеленин. – Кстати, – уже вслед поинтересовался он, – а что с вами может «случиться», как вы изволили выразиться?

Володин торопливо бросил:
– Мало ли что...

II. Фральцев

Часовой доклад профессор Зеленин завершил словами благодарности коллегам по кафедре и руководству института. Затем долго отвечал на вопросы. Покидая трибуну, уже знал, что выступление удалось, концепция принята, и подтверждением тому стало неожиданно раздавшееся рукоплескание – не исступленное, как в театре, но достаточно значимое в стенах этого выдавшего виды ученого зала. Подойдя к своему месту за столом президиума, Владимир Иванович еще раз, прежде чем сесть, поблагодарил выразительным жестом присутствующих, и зал постепенно стих.

Потом выступали члены совета. Вывод был единодушный – «весьма интересная и перспективная работа, позволяющая взглянуть на проблему ведической мифологии с точки зрения ее генезиса и связи с мифологией индоевропейских народов». Именно так Валентин Степанович Панов, ректор института, сформулировал заключение совета, завершая заседание пространной, но весьма лестной речью о значении «проведенного автором исследования».

Слушая его, Владимир Иванович изредка, благодарно кивая, поглядывал на трибуну и, возвращая взор в аудиторию, разглядывал лица коллег – членов Ученого совета, занимавших места на первых рядах, институтских педагогов, расположившихся за ними, студентов, гроздьями свисавших с перил балкона...

И вдруг ему показалось там что-то странным. Владимир Иванович даже не сразу понял, что именно. Он несколько раз провел глазами по балкону, прежде чем догадался – напротив, в самом центре галерки, торчала, точно фальшивая нота, седая, как мел, шевелюра старика. Маленький, щуплый, прижатый теснившимися молодыми людьми к перилам, он отчего-то сразу напомнил Зеленину одного из индусских брахманов, с которыми ему не однажды приходилось сталкиваться в индийских командировках. То же загорелое морщинистое лицо, длинные космы волос, белая взлохмаченная борода... Только без тилаки¹ на лбу и вместо дхоти² обычный темный пиджак на узких плечах.

«Интересно, однако, что он здесь делает...» – подумал Владимир Иванович и вздрогнул, ибо глаза их неожиданно встретились. Старик смотрел как-то невменяемо пристально, не мигая, словно просвечивая черными, как угли, очами. На какое-то мгновение Владимир Иванович даже перестал слышать зал – словно провалился в вакуум. Лишь через несколько секунд, длившихся необъяснимо долго, отвел с трудом взгляд в сторону, и лишь тогда до слуха стали доноситься заключительные слова ректора: «... Так что дерзайте, Владимир Иванович, а мы с нетерпением будем ждать новых достижений в исследовании столь интересной научной проблемы...»

Зал заплодировал. Зеленин мелко потряс головой, словно сбрасывая наваждение, еще раз взглянул на балкон и почему-то неприятно удивился – старика не было...

Из-за стола он поднимался медленно, продолжая шарить глазами по лицам студентов. Поднявшись, перевел взгляд в зал, вновь поклонился и, помешкав, повернулся в сторону уже шагающего навстречу Валентина Степановича.

Их окружили. Посыпались поздравления. Коллеги протягивали руки, дружески похлопывали по плечу. В ответ, растерянно улыбаясь, Владимир Иванович кивал по сторонам и тихо произносил одну и ту же незамысловатую фразу: «Спасибо, друзья, спасибо...»

¹ Священный знак, который последователи индуизма наносят глиной, пеплом и др. на лоб и другие части тела.

² Традиционный в Индии вид мужской одежды в виде прямоугольной полосы ткани, обертываемой вокруг ног и бедер с пропусканием одного конца между ног.

Уже в фойе дождались своего часа и студенты. С сияющими от возбуждения лицами они шумно обступили профессора и после поздравлений – горячих и наперебой высказанных – набросились, точно проголодавшиеся, с вопросами.

Зеленин едва успевал отвечать. От их неумного натиска спас Данилин, проректор по научной работе, который, подходя, громко, чтобы быть услышанным всеми, весело воскликнул:

– Ну, молодежь, не бережете своего профессора! Заморите уважаемого Владимира Ивановича!

Студенты обернулись и, смеясь, нестройным хором поздоровались:

– Здравствуйте, Вячеслав Владимирович!

– Здравствуйте, здравствуйте! Ну, что, отпустим профессора Зеленина? Пусть отдохнет, а?

Раздался смех. Данилин жестом подозвал Зеленина, нарочито показывая, что забирает его с собой.

– Пойдемте, коллега. Хочу познакомить вас с одной любопытной личностью...

Владимир Иванович, простившись с учениками, подошел к своему спасителю.

Вячеслав Владимирович Данилин, высокий и стройный, представлял ту категорию блестящих ученых, которые одновременно и притягивают к себе неординарным умом и научным авторитетом и в то же время заставляют держаться на благоговейном расстоянии. В немалой степени тому способствовала и выделявшая Данилина изысканность во всем – в манере держать себя, говорить, писать научные труды, подписывать документы и даже одеваться. Вот и сейчас от его модного бежевого костюма исходил тонкий аромат дорогого парфюма. Его кремовую рубашку украшал тщательно подобранный галстук с поблескивающей золотой булавкой, а на остром носу красовались очки в тончайшей титановой оправе. И, как всегда, сквозь их антибликовые стекла на Зеленина смотрели кофейного цвета глаза, весело излучающие уверенность и благополучие.

– Что, профессор, мучают будущие «светила»? – смеясь, спросил Данилин.

– Мучают, Вячеслав Владимирович. На то и «будущие светила»...

– Ну да, ну да... А знаете, разлюбезный Владимир Иванович, я ведь действительно хочу предложить вам пройти в кабинет. Там у меня, видите ли, сейчас пьет кофе колоритнейшая личность – некто Фральцев Михаил Михайлович...

– Фральцев? – быстро переспросил Зеленин.

– Вы что же, слыхали о нем?

– Кажется, да, – кивнул Зеленин, вспомнив вдруг беседу с Володиным. – И не далее как сегодня утром...

– Вполне возможно. Он не ученый, но весьма известен в своих кругах – шибко здорово разбирается в Востоке. Ей-богу, не хуже нашего с вами – антиквар с большой буквы и по профессии, и по призванию! Признаться, сам частенько пользуюсь его услугами. Хоть и не прост, шельма, но в делах порядочен. И знаете, кажется, его заинтересовала тема вашего доклада. Нижайше просил познакомить с вами. Вы не против?

– Нет, конечно. Но что именно его заинтересовало?

– Да уж что-то заинтересовало. Так что – пройдем?

– С удовольствием...

В кабинете проректора они застали явно склонного к полноте мужчину лет сорока пяти, в голубом костюме с галстуком, развалившегося в кресле рядом с журнальным столиком и отрешенно водящего ложкой по стоявшей на нем кофейной чашке. При звуке открывшейся двери мужчина поднял рыжеватую голову, прищурился и вдруг, расширив глаза, сверкнувших двумя черными пуговками, просиял маслянистой улыбкой.

В первую минуту Зеленина поразило лицо незнакомца. Из-за густо заросших щек оно показалось... красновато-мохнатым. Через секунду сообразил – с висок до самого подбородка густо ниспадали рыжие экстравагантные бакенбарды. Но не успел что-либо подумать об этом странном анахронизме, как ложка, брошенная в чашку, звякнула, мужчина удивительно легко для своего округлого тела соскочил с кресла, и, обнаруживая при невеликом росте необыкновенную живость, быстро, точно заводная игрушка, засеменял навстречу.

– Ну, наконец-то! Здравствуйте, здравствуйте, Владимир Иванович! – бесцеремонно, будто давнему знакомому, протянул он руку.

Обескураженный от внезапного радушия, Зеленин растерянно пожал ее, и в голове неприятно промелькнуло: «Пухлая и мягкая...» Подумал и тут же почувствовал, что рука незнакомца, нещадно трясающая профессорскую руку, заметно окрепла:

– Много, много слышал о вас от Вячеслава Владимировича! Рад познакомиться воочию, так сказать, очень рад! Вы такой ученый, такой замечательный!

– Михаил Михайлович Фральцев, – представил наконец гостя Данилин.

Зеленин осторожно освободился от рукопожатия.

– Очень приятно... Вячеслав Владимирович мне также рассказывал о вас. – Зеленин уставился на антиквара. – Весьма рад...

– Ну-с, вот и хорошо, – весело хохотнул Данилин, явно предвидевший нечто подобное этому бурному знакомству. – Вы уж побеседуйте, а я схожу к ректору, Валентин Степанович просил заглянуть...

– Так я, наверное, не буду дожидаться вас, Вячеслав Владимирович, – все еще улыбаясь Зеленину, сказал Фральцев. – Мы вроде все оговорили. На днях, надеюсь, созвонимся...

Затем быстро взглянул на проректора.

– И огромное, просто огромное спасибо за предоставленную возможность послушать великолепный доклад!

Фральцев многозначительно улыбнулся Зеленину.

– Всегда к вашим услугам, Михаил Михайлович, – скороговоркой ответил Данилин. – Рад был видеть...

– Спасибо! Взаимно.

– Ну, а с вами, коллега, не прощаюсь, – обратился проректор к Владимиру Ивановичу. – Еще увидимся...

Зеленин кивнул.

Они остались одни. Гость предложил сесть. Расположились в креслах у журнального столика. Некоторое время молча смотрели друг на друга.

«Уж не этот ли Фральцев посоветовал меня Володину? – подумал Зеленин, разглядывая сияющего незнакомца. – Нет, вряд ли... Его я определенно вижу впервые».

– Слышал, вы увлекаетесь Востоком? – уже вслух начал разговор Владимир Иванович.

Фральцев самодовольно кивнул.

– Видите ли, у меня есть одна давняя страсть – восточный антиквариат. Люблю, знаете ли, Древний Восток. Так что иногда, по приглашению Вячеслава Владимировича, посещаю мероприятия, подобные сегодняшнему.

– Вы интересуетесь ведической мифологией? – спросил Зеленин, не подозревая, что безобидный вопрос неожиданно придаст беседе характер странного пикетирования общеизвестными терминами.

– В общем-то, да. Хотя в большей степени – «санáтана-дхáрмой»³, — не без важности ответил Фральцев.

– Ну, это неотделимо от мифологии, – в свою очередь заметил Зеленин.

³ Индуизмом (санскр.).

– Да, конечно... И, согласитесь, многое в этой мифологии из жизни. Надо отдать должное древним мудрецам, их общечеловеческому опыту. Например, судьба... Вы верите в «карму», Владимир Иванович? – В глазах Михаила Михайловича вдруг сверкнули озорные искорки.

– Только в то, что судьба человека вершится его поступками... Но мне трудно поверить в то, с чем ее связывают – с круговоротом рождения и смерти, определяемым кармой.

– То есть в «самсару» вы, похоже, не верите... А я верю! – словно подзадоривая ученого, заявил Фральцев. – Каждому определено на роду свое в зависимости от наших поступков. И уверен, ваша судьба состоит в достижении «мокиши»⁴. А хотите предугадаю вашу судьбу? – неожиданно предложил Фральцев, и, не дожидаясь согласия, придвинулся, подхватил правую руку Зеленина и развернул ее ладонью вверх.

– О! У вас интересная рука, профессор... Она явно предназначена для освобождения души бога... – уткнувшись в ладонь, произнес Фральцев. Его лицо изобразило восхищение. – Это, наверняка, ваша карма!

Вдруг он насмешливо посмотрел на Зеленина:

– Вы верите мне?

Владимир Иванович растерялся: трудно было понять, говорит антиквар серьезно или разыгрывает. Он едва слышно выдавил:

– Ну, если «души бога»...

– Однако берегитесь! – улыбка на мгновение сошла с лица Фральцева. Он прищурился. – На этом пути вас ожидает множество испытаний...

Зеленину стало не по себе. Он осторожно вынул ладонь из рук Фральцева, который, не обращая на то внимания, медленно добавил:

– Однако судьбу изменить нельзя: свершится то, что предопределено...

– Ну, знаете! – Зеленин сунул освобожденную руку под столик. – А вы, однако, веселый человек, Михаил Михайлович! Прямо ясновидящий из «Битвы экстрасенсов»! Наверное, увлекаетесь мистикой?

Фральцев неожиданно просиял:

– Нет, я не смотрю телевизор! Но вы, кажется, мне не поверили! Ради бога, считайте это шуткой...

– Я так и понял...

– К сожалению, через час у меня серьезная встреча, мне пора, – вдруг заторопился антиквар. – И поверьте, меня действительно сегодня многое заинтересовало в вашем научном докладе. Вы были великолепны!

– Спасибо, Михаил Михайлович... Но вы, кажется, хотели о чем-то поговорить?

– Сегодня – только поблагодарить за доставленное удовольствие. И познакомиться. Для меня это было важно. Я получил истинное наслаждение... Искренне надеюсь, что мы еще встретимся и хорошенько побеседуем. У меня, да и у вас, я полагаю, найдутся вопросы друг к другу...

– Буду рад... А вы давно знакомы с Вячеславом Владимировичем? – скорее для того, чтобы как-то сгладить на прощание неприятный осадок, спросил Зеленин.

Фральцев вновь улыбнулся.

– По нынешним временам – давно. Лет десять назад меня свел с ним тогда еще молодой ученик Данилина, Хагерт Мартин Маркович. Не слышали о таком?

– Нет.

– Когда-то он был подающим надежды аспирантом Вячеслава Владимировича, его любимчиком, так сказать. К сожалению, любимчик оставил науку, чтобы преуспеть в коммерции. Живет теперь на юге, имеет свои отели, как и я, занимается антиквариатом. Весьма энер-

⁴ «Мокша» в индуизме – освобождение от «самсары» – круговорота рождения и смерти.

гичный молодой человек. Кстати, по-прежнему дружен со своим учителем, часто гостит у него. Вы не бывали на даче Данилина?

– Я не в столь близких отношениях с Вячеславом Владимировичем.

Фральцев беззвучно рассмеялся.

– Выбирать друзей – личное дело, конечно. Но вот дачу профессора посмотреть стоит – настоящий музей древностей!

Неожиданно антиквар встрепенулся:

– Ну, еще раз разрешите поздравить вас с замечательным докладом! Превосходный материал, Владимир Иванович! Вот моя визитка. Думаю, я скоро вам понадобится. – Фральцев загадочно хихикнул. – А ваш телефон я возьму у Вячеслава Владимировича. Только напишу номер своего мобильного...

Он живо вытащил из нагрудного кармана визитницу и, вынув карточку, принялся писать.

– Михаил Михайлович, – решился Зеленин, – вы знаете Володина Константина Дмитриевича, нашего старшего научного сотрудника?

– Нет, не знаю, – не поднимая головы, ответил Фральцев. – А почему вы спросили?

– Видите ли, сегодня утром я встречался с ним, и он сослался на некоего Фральцева. Тот якобы посоветовал ему обратиться ко мне...

Антиквар также живо поднялся и как ни в чем не бывало протянул визитку:

– Вот, возьмите. На обороте – номер телефона. Звоните в любое время. А ваш Володин, видимо, ошибся. Или имел в виду какого-нибудь другого Фральцева. Впрочем, – добавил он, подумав, – здесь я знакомился со многими... Может, и встречался с этим Володиным. Но советов никому не давал – это точно!

Фральцев еще раз улыбнулся и протянул руку поднявшемуся с кресла Зеленину. Владимир Иванович вновь, как ни странно, ощутил пухлую ладонь.

– Я провожу. Мне на кафедру.

Они вышли в коридор и направились к лестнице.

– Кстати, когда у вас отпуск, Владимир Иванович? – спросил неожиданно Фральцев.

– Скорее всего, в августе.

– Знаете, я почти ежегодно недельку-две провожу на юге, в отеле Мартина...

– У Хагерта?

– Да, у него. Мне вдруг подумалось – не махнуть ли нам вместе? Хорошо проведем время, наговоримся... Берите супругу. Гарантирую, вам понравится.

– Спасибо за предложение, мы подумаем.

– Давайте... Я пришлю его личное приглашение.

Они прошли к сверкающей белизной мраморной лестнице. Внизу осторожно спускался по ступеням пожилой человек в темном костюме и с седой, по самые плечи, гривой волос. Зеленин почему-то вспомнил о незнакомце на балконе. Когда же тот дошагал до нижней площадки и обернулся – сомнений уже не было – тот самый старик! Те же седые волосы и борода, то же загорелое лицо, широкий открытый лоб, но... теперь раскрашенный красной вертикальной линией тилаки!

– Кто это? – прошептал изумленно Зеленин.

Фральцев с любопытством посмотрел на профессора и полунасмешливо произнес:

– Наверное, брахман...

Старик словно услышал их, поднял глаза и пронзил Зеленина тяжелым взглядом, от которого Владимиру Ивановичу стало не по себе. Фральцев же бесцеремонно кивнул старику:

– Намасте!⁵

⁵ Здравствуйтесь! (хинди).

Незнакомец медленно перевел взгляд на антиквара, едва заметно кивнул ему и не спеша исчез под перилами.

– Вы знаете хинди? – негромко спросил Зеленин, все еще глядя на то место, где минуту назад стоял загадочный старик.

– Мое второе хобби, – усмехнулся Фральцев.

– А старика?

– Впервые вижу...

– А я второй.

– Вот как?

– Он слушал мой доклад. И, знаете, мне как-то не очень... Неприятная личность. Интересно, что он здесь делает?

– Наверное, ученый из Индии. У вас их, кажется, бывает немало... Вы вниз?

– Нет, на третий этаж.

– Тогда – до встречи?

– До свидания...

– Так я пришлю вам приглашение! – крикнул Фральцев уже с лестницы.

Из записок Питера Грина

«21 июня 1858 г. Индия. Вторые сутки льет дождь. В палатке сыро и душно. Кажется все – и тело, и окружающие меня предметы, и даже воздух, которым я дышу – все пропиталось липкой влагой... Монотонная и бесконечная дробь ливня по парусине раздражает, сумрак над джунглями, из-за которого даже днем приходится освещать палатку свечой, действует угнетающе. Но что больше всего отравляет душу – совершенно очевидная бессмысленность нахождения здесь, в этой сырой и душной палатке, в этих забытых Богом гнилых джунглях с тучами насекомых, кровожадных хищников и нескончаемым водопадом с небес. Я не слабак, ради утоления жажды исследований и странствий готов к любым невзгодам. Но на этот раз Чарльз Хардман, мой учитель и досточтимый профессор, кажется, впутал нас в сомнительное предприятие, цели которого, по-моему, не вполне ясны даже ему самому. Уверен, майору Кроувлю – командиру сопровождающего нас отряда стрелков – известно даже больше. В последнее время сэр Чарльз только с ним и общается. Единственное, что я понял за время нашего путешествия – мы ищем некий затерянный в джунглях Сахьядри индуистский храм. Я не против этого, но для чего мы ищем его? Что в нем такого, чтобы пускаться в поиски с обескураживающей поспешностью и таинственностью? Обидно, что против обыкновения сэр Чарльз так и не посвятил меня в свои планы, а на попытки что-либо узнать отвечает уклончиво либо с раздражением обрывает. И это после почти пяти лет совместной работы! Теперь он откровенничает только с круглолицым коротышкой Кроувлем, человеком жестоким и безнравственным – судя по рассказам свидетелей сипайского бунта прошлого года. О его зверствах при подавлении восставших я немало наслышался еще в Мируте...

Под стать Кроувлю и его помощник – капитан Гелихард, никогда не расстающийся с бутылкой виски. Этот туповатый военный готов выполнить любой и – с особым удовольствием, как мне кажется – самый жестокий приказ своего начальника. Впрочем, возможно, я столь бескомпромиссен к этим служакам из-за проклятой ипохондрии, которая охватила меня в последние дни. Единственный из военных, общение с которым не вызывает у меня раздражения – это лейтенант Деликтон. Генрих мой ровесник. Возможно, этим и объясняются сразу сложившиеся между нами дружеские отношения. Мне нравится его открытая, романтическая, но вместе с тем смелая натура. Трудно понять, как ему удастся уживаться с такими солдафонами, как Кроувль и Гелихард. В их окружении даже профессор потерял свой прежний облик одержимого ученого и стал походить на грубого и раздраженного чиновника.

Правда, вчера вечером произошел довольно-таки странный случай. Так же, как сегодня, лил изматывающий дождь. После коротания времени с Генрихом, я удалился в свою палатку и собрался было затушить свечу и лечь спать, как в шуме дождя различил чей-то голос снаружи, который сначала даже не узнал:

– Питер, вы не спите?

– Нет, входите, – еще не понимая, кого принесло ко мне, отозвался я.

Пола палатки приоткрылась, и, разбрызгивая с плаща влагу, вошел профессор.

– Сэр Чарльз?! – удивился я.

Хардман сбросил с пробкового шлема капюшон и, оглядывая мое жилище, спросил:

– Можно пройти?

– Конечно... – Я поспешно скинул плащ с единственного в палатке складного стула и придвинул профессору. – Что-то случилось, сэр?

Хардман устало сел, снял очки и достал из кармана платок. Его осунувшееся лицо было мокрым от дождя, с подбородка капало. Протирая очки, он неожиданно спросил:

– Вы, кажется, русский, Питер?

Я поморщился:

– Разве это вам неизвестно, профессор?

Хардман тяжело вздохнул, продолжая тереть линзы.

– Знаю, Питер, не обижайтесь... Это я так, от меланхолии... За пять лет совместной работы я убедился, что вы хороший помощник, Грин. И прекрасный исследователь. Думаю, у вас замечательное будущее...

– Спасибо, сэр.

Хардман помолчал и, словно очнувшись, произнес:

– Питер Грин, мог бы я попросить вас об одном одолжении?

– Разумеется...

Профессор зачем-то встал, прошелся по палатке, почти касаясь головой парусинового потолка, и наконец сказал:

– Этот вселенский потоп, надеюсь, когда-нибудь кончится, и через пару дней мы доберемся до храма Индры...

– Храма Индры? – невольно вырвалось у меня.

– Да, Питер, храма Индры...

– Простите, сэр, за несдержанность, но я не имел чести знать... Вас что-то беспокоит?

– Есть что-нибудь выпить? – вместо ответа угрюмо спросил Хардман.

– Только вода.

Профессор поморщился:

– Воды и так много... Ладно, присядем...

Я опустил на топчан напротив стула, на который он присел вновь.

– Знаете, Питер... – Хардман медленно надел очки и с грустью в голосе произнес, – все может случиться в этом походе и... в этой компании...

Испытующе глядя мне в глаза, он вытащил из-под полы небольшой кожаный тубус с опечатанной сургучом крышкой.

– Сможете спрятать это у себя и сохранить до нашего возвращения?

– Конечно, сэр, – растерянно произнес я.

– Но... об этом никто не должен знать. Даете мне слово?

– Можете на меня положиться, сэр. Однако...

Я осекся, но Хардман, не нарушая паузы, продолжал терпеливо смотреть мне в глаза. Это прибавило уверенности.

– Однако осмелюсь спросить, профессор... Что является причиной вашего беспокойства? Признаться, я до сих пор не посвящен в цели нашего предприятия. Что опасного в том заброшенном храме?

Хардман долго смотрел на меня, словно подбирая нужные слова.

– Видите ли, Питер... Если все сложится благополучно, нас с вами ждут не только научное открытие и слава первооткрывателей, – профессор понизил голос до шепота, – но и большие, я повторяю, Питер, очень большие блага...

Он тяжело вздохнул.

– Но, к сожалению, достижение всего лучшего нередко сопряжено со многими опасностями, дорогой друг. Во избежание их я и намерен ключи от этого “лучшего” вверить вам, Питер...

И Хардман протянул мне свой таинственный предмет. Я с трепетом взял его, но не удержался и почему-то так же шепотом спросил:

– Могу ли узнать, профессор, что в нем?

– Ключи от счастья и смерти, Питер. Больше ни о чем не спрашивайте... И помните – это всегда при вас и никому ни слова! – Хардман поднес палец к губам. – Даже если со мной что-либо случится...

Я не успел спросить, что именно с ним может случиться – профессор встал и, запахнув плащ, направился к выходу. Когда же он откинул полы палатки, снаружи неожиданно мелькнул сидящий на земле индус с длинными седыми волосами и в желтом одеянии брахмана. Он смотрел мне прямо в глаза и, несмотря на проливной дождь, казался совершенно сухим. Странно, но вышедший из палатки Хардман не обратил на индуса никакого внимания, словно того не существовало. В отряде я старика не видел и доподлинно знал, что монахов среди наших индусов не было. Я выскочил наружу вслед за профессором, но, к своему изумлению, у палатки никого не оказалось – ни индуса, ни Хардмана. Только тьма и дождь, который вмиг вымочил меня до нитки.

В палатку вернулся озадаченным. Раздумывая над происшедшим, я опустился на стул, повертел в руках таинственный тубус и, вспомнив о странных словах Хардмана, поспешно достал чехол подзорной трубы. В экспедициях я никогда не расставался с ней. Трубу сунул в походный мешок, в пустой чехол от нее опустил тубус и, покончив с этим, подумал: “Старик, кажется, во что-то вляпался...” Затем задул свечу и растянулся на топчане...»

III. Загадочное исчезновение

В тот день диссертационный совет завершился поздно. Шел десятый час вечера, когда Владимир Иванович переступил порог института и направился к автомашине. После кондиционированного воздуха аудитории улица показалась невероятно душной. В Москве стояла аномальная жара – столбик термометра не опускался ниже 35 градусов, а заполнявший улицы бело-сизый смог превращал ее в невыносимо удушливое пекло – в Подмоскowie горели торфяники, и едкая пелена дыма уже больше двух недель накрывала и без того раскаленную столицу.

Владимир Иванович завел автомобиль и сразу включил кондиционер. Он не часто ездил в институт на машине – проще было добираться на метро. Но в нынешней духоте машина была все-таки комфортней.

Несмотря на поздний час, на дорогах было полно машин. Зеленин минут двадцать держался в пробке при выезде на Садовое кольцо, однако по самому кольцу вереницы автомобилей катили довольно споро. Он удачно проскочил Zubовскую площадь, без остановок миновал здание МИДа, туннель под Новым Арбатом... На пересечении Баррикадной с Кудринской площадью попал под красный сигнал светофора, расплывчатым пятном пробивавшийся сквозь дымку.

Ожидая зеленый свет, отчего-то с раздражением подумал об оппонентах, слишком многословно и пространно выступающих на советах. Оттого и заседания затягиваются допоздна...

Потом вспомнил, что пятница, люди стремятся вырваться из Москвы, подальше от городского смрада. Хорошо тем, кто выехал из столицы задолго до начала жары, как это сделал Володин...

От мысли о научном сотруднике у Владимира Ивановича зануло в груди. Мысленно он коснулся того, что на протяжении всего дня было реальной причиной его раздражения – что-то случилось с научным сотрудником. Сегодняшнее известие об его отсутствии в течение целого месяца грянуло для него, как гром среди ясного неба. Более всего мучило осознание, что он, профессор Зеленин, не придавал значения тогда, месяц назад, раннему визиту своего коллеги и не обеспокоился его долгим отсутствием. А ведь Володин явно был чем-то озабочен. И, похоже, небезосновательно...

С этой тяжелой мыслью Владимир Иванович подъехал к дому, нашел свободное место для парковки, вынул...

Поднявшись на лифте, сам открыл дверь квартиры ключом – сегодня тревожить жену звонком не хотелось.

Уже по тому, как муж вошел в квартиру, бросил на банкетку портфель и, в отличие от обыкновения отказавшись от ужина, сразу прошел в кабинет, Елена Владимировна поняла: произошло нечто особенное. Она вошла в кабинет следом. Подождав, присела на диван.

– Ты в порядке?

Владимир Иванович ответил не сразу.

– Представляешь, этот человек исчез...

– Ты о ком? – насторожилась супруга.

– Володин, наш сотрудник... Тот, что приходил утром, около месяца назад. Помнишь?

– Что значит – «исчез»? Он, кажется, уезжал в отпуск...

Владимир Иванович обернулся и отрешенно посмотрел на жену.

– Не в отпуск, а по личным делам... Сегодня справился в отделе – отпуска не брал, отпросился только на два дня. Но прошел месяц... В общем, исчез. Уже и полиции сообщили...

Елена Владимировна помолчала.

– Может, решил уволиться? А что говорит жена?
– Он не женат. Нет и родственников... И не увольняются просто так, без заявлений и печати. И потом...

Владимир Иванович помедлил.

– Что потом?

– Боюсь, с ним что-то случилось. Он сам намекал на возможность этого, но тогда я не придавал значения. И кажется зря... В то утро он принес некую «семейную реликвию», просил подержать у себя пару дней, пока куда-то съездит. Но вот уже месяц...

– И что за «реликвия»? – осторожно спросила Елена Владимировна.

Зеленин выдвинул ящик стола и достал сверток.

– Это что? – спросила жена.

– Какой-то древний текст. На санскрите.

– И что в нем?

– Не знаю.

Елена Владимировна внимательно посмотрела на мужа.

– Быть может, все банально, и он объявится? Если нет – отнесешь в полицию...

– Не все так просто, Леночка...

– А, по-моему, ты все усложняешь.

Владимир Иванович укоризненно посмотрел на жену.

– Человек чувствовал некую угрозу, и она каким-то образом связана со свертком. Разве не ясно? Иначе зачем было так поспешно отдавать его мне, почти незнакомому человеку? И теперь, если предположить, что свершились самые худшие его опасения, я невольно становлюсь сопричастным к его исчезновению...

О чем-то подумав, добавил:

– Конечно, если причина его исчезновения действительно кроится в этом свертке...

– Эту вещь надо отнести в полицию, – тихо сказала Елена Владимировна.

– Ты считаешь? – неуверенно спросил Зеленин.

– Конечно!

– Тогда я вынужден предстать в качестве свидетеля... Может, вскрыть ее?

– Ни в коем случае! – решительно возразила жена. – Тогда станешь не свидетелем, а соучастником неизвестно чего!

Владимир Иванович посмотрел на сверток и медленно вернул его в ящик стола.

Елена Владимировна встала и вышла из кабинета.

– Завтра же отнеси! – донеслось уже из кухни.

Но через минуту она появилась в дверях с конвертом в руке.

– Пришло письмо от какого-то Фральцева...

– От кого?

– От «Фральцева Михаила Михайловича», – прочла она надпись на конверте. – Ты его знаешь?

– Кажется, да... Меня знакомил с ним Данилин.

– Вячеслав Владимирович?

Владимир Иванович кивнул.

– Этот Фральцев слушал мой доклад на Ученом совете. Потом пожелал познакомиться со мной. Через Данилина. Правда, я так и не понял для чего... Странная личность...

– Вот как? И почему?

Владимир Иванович пожал плечами:

– Трудно сказать... Мне его представили профессиональным антикваром, умным и деловым. Но, знаешь, он какой-то ненастоящий – дурацкие бакенбарды, слащавая улыбка, страсть

говорить загадками... В общем, оставляет странное впечатление. В его присутствии чувствуешь себя как-то неловко. К тому же... Покажи-ка письмо, – неожиданно попросил он.

Елена Владимировна протянула мужу конверт.

– К тому же Володин упоминал некоего Фральцева, который якобы и направил его ко мне. Но сам Фральцев уверяет, что никакого Володина не знает.

Он развернул листок и вслух пробормотал:

«Уважаемый Владимир Иванович! Как и договаривались, высылаю приглашение Хагерта Мартина Марковича посетить с супругой его отель. Адрес и телефоны указаны в приглашении. О вашем согласии сообщите. Я все устрою. С глубоким уважением – М. Фральцев».

Дочитав, Владимир Иванович достал из конверта открытку.

– И кто этот «Мартин Маркович»? – спросила Елена Владимировна в то время, когда муж пробежал глазами по строчкам.

– Бывший ученик Данилина. Он, кажется, и познакомил Фральцева с Вячеславом Владимировичем...

Дочитав, Владимир Иванович поднял глаза.

– А что за «отель»? – спросила Елена Владимировна.

– Отель? Ах, да... Хагерт деловой человек. Чем занимается – не знаю, но имеет несколько отелей на юге...

– И что?

– Ну, и Фральцев предлагает отдохнуть этим летом у него, на берегу моря.

– И хорошо, давай отдохнем.

– Давай...

Неожиданно проиграла мелодия мобильного телефона.

– Володя, твой, – прислушавшись, сказала Елена Владимировна. – В прихожей, на консолике...

Владимир Иванович скрылся за дверью. Вернувшись, он уже прижимал телефон к уху:

– Алло!

Голос, который Зеленин узнал сразу, спросил:

– Владимир Иванович?

– Да... Слушаю.

– Это Михаил Михайлович Фральцев. Помните такого?

– Да, узнал. Легки на помине – только что с женой говорили о вас. Здравствуйте!

– Здравствуйте! Рад вас слышать, – сказал голос. – Владимир Иванович, вы получили приглашение?

– Да, хочу поблагодарить.

– Так вы приедете? С какого числа? – оживились в трубке.

– Пока не скажу, мы с женой не решили...

– Как решите – обязательно позвоните! Вас встретит Мартин и сделает все, чтобы вы хорошо отдохнули!

– Спасибо, Михаил Михайлович!

– Кстати, вы спрашивали меня о своем сотруднике...

Владимир Иванович изменился в лице:

– О Володине?

– Да, о нем. Я вспомнил, о ком шла речь.

– Так вы его знали?

– Встречался... Так что вы хотели о нем услышать?

Зеленин помолчал, раздумывая. Наконец, произнес:

– Михаил Михайлович, Володин пропал...

– Как пропал? Совсем? – после паузы спросил голос.

– Уже месяц, как о нем ни слуху, ни духу... Он говорил, что у него есть некая дальняя родственница. Может, он у нее? Вы случайно не знаете что-либо о ней?

В трубке молчали.

– Михаил Михайлович, вы слышите меня?

– Слышу... Она живет во Франции.

– Где?! – поперхнулся Зеленин.

– Во Франции, в Ницце... По просьбе одного человека я разыскивал ее, тогда же узнал и про Володина.

– Значит... это вы направили его ко мне и...

– Нет! – оборвал Зеленина голос.

Владимир Иванович смолк.

– Но вполне возможно, что Володин у нее.

– Во Франции??

– А почему бы и нет? У меня, кстати, есть ее телефон. Вам дать?

– Конечно!

– Сейчас, погодите, поищу... Не бросайте трубку.

– Жду...

Владимир Иванович спешно прошел к столу и, схватив первый попавшийся под руку карандаш, приготовился записывать. Но прошло еще несколько минут, прежде чем в телефоне вновь послышался голос Фральцева:

– Пишите: Марианна Бош. Номер телефона 33..... Записали?

– Да. Огромное спасибо!

– Не за что... Жду вашего звонка по отпуску!

– Ну, что? – спросила Елена Владимировна, как только муж отключил телефон.

– Представляешь, оказывается, родственница Володина живет в Ницце! Невероятно! Неужели он действительно подался к ней? Тихо удрал, балдеет, лежа на песочке, а мы здесь переживаем!

Зеленин облегченно вздохнул.

– Ты же говорил, родных у него нет, – напомнила Елена Владимировна.

– Вообще-то, он упоминал о дальней родственнице. Но ее никогда не видел... Черт возьми! – Владимир Иванович хлопнул себя по лбу. – Она же приглашала его к себе!

– А как же паспорт?

– Что паспорт? – не понял Владимир Иванович.

– Для загранпаспорта нужны, кажется, какие-то справки с места работы...

– Нужны, – подумав, согласился Владимир Иванович.

Он опустился на диван. Елена Владимировна села рядом.

– Действительно, в институте ничего про это не знают... Хотя паспорт у него мог быть. Но вот зачем ему надо было оставлять у меня сверток?

– Может потому, что его нельзя было перевозить через границу? – предположила Елена Владимировна.

Владимир Иванович встал и в раздумье прошелся по комнате.

– Значит, дело все-таки в этом проклятом свертке? Может, все-таки вскрыть его?

– Нет! – твердо возразила Елена Владимировна. – Лучше позвони родственнице.

– А если он не у нее? Только напугаем женщину...

– А если у нее?

Владимир Иванович запустил пальцы в тронутую сединой шевелюру:
– Однако вопрос... Может, еще сам объявится?

IV. Пропавшая экспедиция

В Ниццу Владимир Иванович так и не позвонил. Разговор был отложен на пару дней – вдруг и без звонка Володин даст о себе знать. Однако прошла неделя, вторая – о сотруднике по-прежнему ничего известно не было. И вновь самые худшие предположения стали овладевать Владимиром Ивановичем, невольно порождая угнетающее чувство причастности к исчезновению человека. И постепенно это чувство настолько охватило его, что он вообще отказался от мысли выяснять что-либо самому и все более склонялся к совету жены – отнести свиток в органы, несмотря на все опасения быть обвиненным в чем-либо. Но неожиданно произошло событие, совершенно изменившее его отношение к происшедшему.

Это случилось вечером, когда, порядком устав от писанины, Владимир Иванович присел у телевизора и, включив «тарелку», стал просматривать каналы. Неожиданно на экране всплыл информационный ролик CNN – какая-то ухоженная старушка, окруженная со всех сторон микрофонами, прорывалась сквозь ряды репортеров, повторяя одну и ту же фразу: «*Non commentaire, non commentaire*⁶». Зеленин уже хотел было переключиться на следующий канал, когда его внимание привлекло лицо старика, то и дело, появляющееся за спиной пожилой женщины. Вглядевшись, Владимир Иванович от удивления чуть не сполз с дивана – из-за плеча старушки на него пристально смотрели черные глаза седого индуса. Того самого – в этом он не сомневался! – с которым уже дважды сталкивался в институте! И когда камера выхватила его лицо крупным планом, Владимир Иванович от ужаса вздрогнул – кивком головы он явно указывал ему на старуху!

Через секунду ролик прервался, улыбающаяся дикторша стала что-то быстро комментировать, и Зеленин торопливо перевел взгляд на бегущую внизу экрана информационную строку, пытаясь хотя бы что-нибудь выудить из нерусских слов:

«Nice: Maryanna Bosh loses Peter Green's diary – the assistant to the professor Charles Hartman known in 19 century as the researcher of India...»⁷

Дикторшу сменили кадры нового ролика, но на экран он уже не смотрел.

«Возможно ли это? – лихорадочно забилося в его мозгу. – Неужели та самая Марианна Бош? А брахман? Как он там оказался? Неужели старик пытался что-то сообщить?»

Зеленин тряхнул головой – бред!

Соскочив с дивана, он быстро прошел в кабинет и, отыскав листок с продиктованным Фральцевым номером телефона француженки, еще раз прочел ее имя и фамилию. Он опустился в кресло – совпадают!

«Что же получается? Некий русский Володин избавляется от индийской хреновины своего предка и – исчезает... Его же французская родственница теряет дневник некоего ассистента “известного профессора девятнадцатого столетия”... Еще окажется, что... Что окажется?...»

Зеленин не сразу сформулировал мысль, которая всплыла откуда-то из-под корки.

«...Окажется, что под предком Константина Дмитриевича скрывается тот самый ассистент или... или даже сам профессор! Чарльз Хардман... Чарльз Хардман? Уж не тот ли Хардман – этнограф!»

Владимир Иванович включил компьютер и вошел в интернет.

«*Чарльз Хардман этнограф*» – набрал он ключевые слова. На мониторе всплыло окно со списком ссылок. Зеленин навел курсор на первую из них, и на экране высветился текст.

⁶ Без комментариев, без комментариев... (фр.).

⁷ Ницца: Марианна Бош теряет дневник Питера Грина – ассистента профессора Чарльза Хардмана, известного в 19 веке исследователя Индии (анг.).

«Чарльз Хардман (1801–1858?), – прочел он, – профессор Оксфордского и Бомбейского университетов, член Королевского азиатского общества, историк, этнограф, исследователь Индии...»

Владимиру Ивановичу стало душно.

«...Первым осуществил описание народностей, проживающих на территории п-ва Индостан. Основной труд – “Народы Британской Ост-Индии” (1850). При невыясненных обстоятельствах пропал без вести в индийской экспедиции 1858 г. в районе Западных Гад».

Зеленин еще раз пробежал по скучным строчкам энциклопедической статьи.

«Вот тебе, Владимир Иванович, и твоя Индия!» – выдохнул он вслух. Затем, словно что-то вспомнив, быстро набрал вторую ссылку. Это была версия для печати из информационной ленты. Она гласила:

«3.4. Национальное географическое общество Великобритании ведет переговоры с Марианной Бош, гражданкой Франции, о получении прав на экспертизу и опубликование дневника ассистента известного в середине 19 века исследователя Индии Чарльза Хардмана. Дневник, по ее заявлению, подробно описывает события последней индийской экспедиции ученого в июле 1858 г. Как известно, следов пропавшей экспедиции обнаружено не было, до сих пор судьба ученого и членов его команды считалась неизвестной».

Зеленин откинулся на спинку стула.

«И как же этот дневник оказался у “гражданки Франции”? Если предположить, что записи передавались по наследству, а француженка дальняя родственница Володина, то наш научный сотрудник действительно прямой потомок их автора?»

Владимир Иванович запустил пятерню в шевелюру.

«Значит, вполне возможно, что и “семейная реликвия” уважаемого Константина Дмитриевича – также собственность этого автора... А может – самого Хардмана? Загадка... Нет ли здесь связи между исчезновением дневника и исчезновением самого Володина?»

Путаясь в мыслях, Зеленин потряс головой.

«Может все-таки позвонить этой Бош? Хотя, судя по ролику с репортерами, она вряд ли станет говорить... А почему бы и нет? Репортаж-то был явно не сегодняшний. А может, сегодняшний? И не поздно ли звонить? Разница во времени – часа три-четыре...»

Владимир Иванович взглянул на часы.

«Значит, в Нище часов пять-шесть... Но что это даст? Не глупо ли незнакомому русскому звонить пожилой француженке, да еще сообщать на ночь, что ее далекий родственник, которого она в глаза не видела – исчез?»

Он нащупал на столе мобильник и, повертев его у виска, набрал номер. Через некоторое время, как-то внезапно, отчего профессор сначала даже растерялся, в трубке послышалось:

– Je vous écoute⁸...

– Простите, – по-русски произнес Зеленин, и с ужасом подумал, что старушка наверняка не знает языка. Но, к его изумлению, далекий голос с выразительным акцентом перебил:

– Это вы, мсье Мартин?

И, не дав ответить, на одном дыхании проговорила:

⁸ Я слушаю вас... (фр.).

– Я иметь после вас много de problèmes⁹, мсье Мартин. После моя встреча с вам и Мишель, я очень терять покой. Вы сейчас en France¹⁰? Я хотеть говорить с вам о дневник... Вы меня понимает?

– Мадам, я не мсье Мартин, я профессор Зеленин, из Москвы, – смущенно произнес Владимир Иванович, и тут же торопливо, боясь, что его не дослушают, пояснил:

– Я коллега Константина Володина...

Голос в трубке замолчал.

– Аллю? – растерянно, не то спросил, не то воскликнул Зеленин.

– Коллег Константин Володьин? – спросил в ответ голос.

– Да, да...

– А где Костя? – протрещало в трубке.

– Он пропал. Вы не знаете, где он? Он не у вас?

– Mon Dieu!¹¹ Что они с ним делать? J'ai tué le garçon!¹²

Голос осекся. Следом тревожно запульсировали короткие гудки.

Зеленин медленно опустил телефон. «Вот и поговорили...», – невесело подумал он.

В голове зароились отрывочные мысли: «Мартин, Мишель... Французы или русские? Говорила-то мадам по-русски... Значит, русские встречались во Франции с родственницей Володина. Зачем? Кстати, пропал дневник... Со мной, то есть с мнимым Мартином, она говорила о дневнике... Мартин с Мишелю приезжали к старушке... После них у нее начались проблемы... Эти Мартин и Мишель и взяли дневник?»

У Зеленина засвербело в затылке.

«Взяли или украли? Взяли обманом? Что-то пообещали? Например, передать дневник Володину... Может, они же и угрожали ему? Но для чего? Потому он и бежал! Исчез!! Но знал ли Володин этого Мартина? Мартин... Мартин... Уж не Хагерт ли – «любимый ученик» Данилина? Черт меня дерь!!»

Владимир Иванович хлопнул себя по лбу:

– А Мишель – Миша! Михаил Фральцев! – почти вскрикнул ученый.

– Володя, что случилось?

В дверях появилась Елена Владимировна.

Зеленин удрученно взглянул на жену:

– Погоди, Леночка, одну минуту...

Но Елена Владимировна не стала ждать.

– Что-то произошло, Володя? – с тревогой в голосе вновь спросила она.

– Пойдем на кухню. Хочу кофе...

– Перед сном?

– Все равно!

Владимир Иванович вышел из комнаты.

– Так что стряслось? – Елена Владимировна поспешила за ним.

– Я позвонил в Ниццу родственнице Володина... Сделай, пожалуйста, кофе!

Зеленин подсел к столу.

– Я сделаю, но куда ты звонил? Во Францию?

– Да... Сделай кофе!

– Хорошо, хорошо...

Елена Владимировна включила кофеварочную машину – кухню заполнил громкий треск.

⁹ Проблем (фр.).

¹⁰ Во Франции? (фр.)

¹¹ Боже мой! (фр.)

¹² Я убила мальчика! (фр.)

– Ты две недели не решался звонить. Отчего это сделал сейчас, ночью? – спросила Елена Владимировна, ставя дымящуюся чашку перед мужем.

– Там еще не ночь... Зато я кое-что узнал...

– Она что же, говорила по-русски?

– На ломаном русском. Сказала, что встречалась с некими Мартином и Мишелем!

– И что с того? – не поняла Елена Владимировна.

– Эта женщина обозналась, приняв меня за того самого Мартина, и сообщила, что после их посещения у нее начались какие-то проблемы, и что она хотела бы еще раз встретиться и говорить о дневнике...

– Каком дневнике?

– О дневнике помощника профессора середины позапрошлого столетия! Английского, представляешь! Профессор и его экспедиция пропали, но остался дневник, каким-то образом оказавшийся у француженки. Так вот – этот дневник исчез!

– Это она тебе сказала?

– Нет, об этом передали по CNN...

Елена Владимировна подняла на мужа удивленные глаза.

– Я смотрел телевизор и вдруг о дневнике заговорили в новостях CNN, – пояснил Зеленин.

– И ты все понял?

– По бегущей строке...

Елена Владимировна присела за стол напротив мужа.

– И ты что-то намерен предпринять?

– Переговорить с Фральцевым! У меня предчувствие, что Мартин с Мишелем и Хагерт с Фральцевым – одни и те же лица. И значит, именно с ними связано исчезновение дневника!

– Но тебе-то что?! – не выдержала супруга.

– Не знаю! Но мне кажется, между этим пропавшим дневником и исчезнувшим Володиным есть какая-то связь. Ведь это Фральцев сообщил ему о существовании французской тетушки...

– Боже мой! – всплеснула руками Елена Владимировна. – Зачем тебе это, Володя? Есть связь, нет связи – пусть это решают в полиции!

– Не забывай, у меня на руках древний свиток, переданный Володиным. Возможно, и дневник, и этот свиток и есть причины его исчезновения...

– Тем более! Сдай этот проклятый сверток и не связывайся ни с какими Фральцевыми! Кстати, спросил ее о родственнике?

– По этому поводу, собственно, и звонил...

– И что она?

– По-моему, она была в шоке. Только и воскликнула: «Что они с ним сделали!»

Елена Владимировна вскочила:

– Вот видишь! Это опасные люди!

– Но я не слышал, чтобы она их называла!

Жена нервно взглянула на мужа:

– Но ты же о них подумал!

Владимир Иванович медленно отодвинул недопитую чашку.

У. Тайна Володина

Владимир Иванович не мог заснуть. Загадка свертка, покоившегося в глубине письменного стола, не давала покоя. Светящиеся цифры настольных часов показывали половину третьего ночи, а он все ворочался и ворочался, завидуя безмятежно спавшей рядом жене и тщетно отгоняя роившиеся в голове мысли. И чем дольше он думал, тем более росло в нем убеждение, что именно Хагерт и Фральцев причастны к пропаже дневника! И значит, рукопись должна находиться у кого-то из них, если, конечно, антиквары не «толкнули» ее на черном рынке по соображениям коммерческим... Но что, если они преследовали цели вовсе не коммерческие? Тогда зачем им дневник понадобился вообще? Для коллекции? Но что в нем такого, что могло заинтересовать двух искушенных деловых людей?

Неожиданная мысль поразила Владимира Ивановича – что если содержание столетних записей что-то сообщает о свитке Володина? Что если и не было никакой французской тетки, а, овладев дневником, они поняли, что надо выйти на этого доверчивого человека, чтобы завладеть его «сокровищем»? «Сокровищем», о ценности которого он, возможно, и не подозревал?

Владимир Иванович поморщился: «Нет, знал. Иначе не стал бы прятать свиток у меня. А, может, потому и бежал, что знал? Может, его достали эти беззастенчивые антиквары? Но тогда и подавно вся тайна сокрыта в этом свитке!!»

От этой мысли Владимир Иванович заерзал.

«Надо непременно вскрыть сверток...» – подумал он, но, бросив взгляд на раскинувшуюся на подушке жену, засомневался. «Она, пожалуй, права – тогда действительно можно вляпаться в скверную историю!»

Зеленин отрешенно уставился в потолок. Закрыв глаза. Неожиданно, неизвестно откуда, воровски вползла другая мысль: «Почему обязательно “вляпаться”? Так же запакую... Конечно, не вполне этично...»

Он вновь посмотрел на жену и осторожно поднялся.

В темноте он не сразу нащупал кресло перед письменным столом; сел, и лишь затем включил настольную лампу. Яркий свет заставил зажмуриться. Привыкнув к освещению, медленно выдвинул ящик, достал продолговатый сверток, тщательно обмотанный коричневым скотчем, и, повертев, с облегчением подумал: «Кажется, такой имеется...»

Он вытащил из стакана ножницы и осторожно, стараясь не повредить скрывавшийся под скотчем предмет, прорезал сверток вдоль всей его длины.

Предметом оказался потертый, задубевший от времени кожаный тубус, плотно прикрытый с одного конца крышкой. Зеленин отодвинул в сторону скотчевую оболочку и внимательно осмотрел поверхность. Это показалось ему недостаточным. Нашупав на столе лупу, осмотрел кожу через стекло – ничего, кроме мелких царапин и потертостей... Владимир Иванович отложил лупу, медленно, но с усилием отвернул крышку и заглянул внутрь: по срезу тубуса виднелись потрепанные края свернутого в трубку свитка. Он вновь вытянул ящик, взглядом окинул содержимое и достал пинцет. Осторожно, с охватившим вдруг волнением, подтянул им край свитка, затем медленно, уже пальцами, вытянул всю рукопись.

Дрожащими руками ученый раскатал перед собой часть текста. Сомнений не было – перед ним лежал артефакт! Владимир Иванович спешно надел очки и, затаив дыхание, стал вчитываться в строчки...

Он не заметил, как подошла Елена Владимировна и, заглянув через плечо мужа, со вздохом произнесла:

– Ты все-таки это сделал...

Владимир Иванович от неожиданности вздрогнул.

– Лена, невероятно! – Он повернулся к жене. – Какой колоритный санскрит! Правда, не все еще понятно, но только послушай!

Он уткнулся в рукопись и стал медленно, с остановками переводить:

«...Брахман, носящий обличье безумца, взял гирлянду, возложил ее себе на голову и продолжил свой путь по земле, о Майтрея¹³.

Странствуя, он увидел бога, Супруга Шачи¹⁴; владыка трех миров в окружении богов приближался верхом на яростном Айравате¹⁵.

Неистовый отшельник снял со своей головы гирлянду с жуужжавшими на ней опьяненными нектаром пчелами, и бросил ее царю бессмертных.

Царь бессмертных поднял гирлянду, возложил ее на лоб Айраваты, где она блистала подобно реке Джасхнави на вершине горы Кайласы.

Слон, с потемневшими от ярости глазами, почуввав аромат гирлянды, схватил ее хоботом и швырнул на землю.

Тут лучший из отшельников божественный Дурвасас¹⁶ рассвирепел и в гневе сказал царю богов:

“О, злодей, опьяненный властью, ты слишком горд, о Васави!¹⁷ Ты не чтешь данную тебе гирлянду – обитель богини Шри!

Подобно тому, как ты швырнул на землю данную мною гирлянду, так же погибнет твоя власть над тремя мирами.

Нет жалости в моем сердце, и не привык я прощать! Пусть другие отшельники будут милостивы к тебе! Знай, о Шакра, меня, Дурвасаса!

О, совершитель ста жертвоприношений, я не дам тебе прощения, какой бы смиренный вид ты ни принял!”

Лучший из отшельников божественный Дурвасас рассвирепел и в гневе сказал царю богов:

“Отныне ты утратишь Благость. Где Благость – там и Лакими¹⁸; У лишнего счастья – откуда Благость? А без нее, что же говорить о Качествах?

Без Качеств у мужей нет силы, доблести и прочих достоинств, муж, лишенный силы и доблести, попираем всеми”.

Лучший из отшельников божественный Дурвасас рассвирепел и в гневе сказал царю богов:

“Отныне Сила твоя, о Васави, несущая гибель асурам¹⁹, Гнев твой, направляющий Силу, Страсть ее утраивающую, и Голос твой, творящий спасительные гимны Властителю предельного и беспредельного

Отныне все смешается воедино и войдет в твое самое большое око, Тысячеглазый Индра, превратившись в блистательный камень ваджру²⁰.

¹³ «Тот, кто есть любовь» (санскр.).

¹⁴ То есть ведического бога Индру.

¹⁵ Слоны Индры – главный из четырех космических слонов, держащих землю.

¹⁶ Ведический мудрец и подвижник, гневный отшельник, хранитель традиционных норм поведения; единственный из святых мудрецов («риши»), пуны которых (заслуга, благо, добро) возрастает от проклятия кого-то.

¹⁷ «Владыка Благих», родовое имя Индры.

¹⁸ Богиня счастья, супруга Вишну.

¹⁹ Ведические демоны, противники богов.

²⁰ Алмаз (санскр.)

И скроется ваджра на две тысячи лет в золотом лоне, несущем смерть прикасаемому к нему. И никто, даже боги не сумеют преодолеть это.

Только перст Брахмы, наделенного великой долей Отца мира, освободит твое могущество, Махендра²¹, направляемый Вишну, зовущимся высшим Властелином, и вложенный Атманом всех имеющих тело в руку праведника северного мира”.

Лучший из отшельников божественный Дурвасас расвирипел и в гневе сказал царю богов:

“О, совершитель ста жертвоприношений, я не дам тебе прощения! Да будет так!”»

Зеленин умолк. Но глаза ученого еще некоторое время бегали по строчкам, словно пыта-
ясь узреть в них скрытый смысл. Елена Владимировна тихо наблюдала, как менялось выраже-
ние его лица.

– Удивительный текст... Тебе не кажется? – Владимир Иванович снял очки.

– Удивительный? – переспросила она. – Я вообще его не поняла. Какая-то древняя легенда, очевидно...

Но, подумав, спросила:

– И что в нем удивительного?

– Текст древний. Судя по письму и приведенным отрывкам из пураны²², точнее – Вишну-
пураны – это примерно начало первого века нашей эры. Но что странно, в дошедшем до нас
мифе об отшельнике Дурвасасе и боге Индре речь шла о несколько ином наказании... Ни в
одном из известных источников «царя богов» не наказывали столь жестоко – заточением на
«две тысячи лет» в камень, да еще отшельником...

Владимир Иванович в задумчивости пощипал бороду.

– И потом – пергамент... Первые-то тексты писались на пальмовых листьях. И стиль...
Если это не фрагмент какого-то более раннего варианта пураны, то автор здесь явно допустил
искажение... Сознательно или случайно? Если сознательно, то для чего?

Зеленин вновь склонился над столом и осторожно раскатал свиток во всю длину.

– Смотри! – Он неожиданно притянул жену ближе к столу и ткнул пальцем в текст: внизу,
в четырехугольной рамке, древний художник выписал изображение многоликого индусского
бога.

– Кто это? – спросила Елена Владимировна.

– Брахма. Судя по количеству лиц и рук с четками – бог Брахма, творец мира. Посмотри,
он тебе ничего не напоминает?

Елена Владимировна склонилась над манускриптом.

– Вообще-то, похож на печатку твоего отца...

– Вот именно! – возбужденно воскликнул Владимир Иванович. – Где она у нас?

– В шкатулке... Принести?

– Если не трудно...

Ожидая супругу, он вновь навел лупу на рисунок.

«Однако, чертовски похожи! – мысленно произнес он. – Одна и та же рука или один и
тот же художественный канон? Любопытно...»

Он нетерпеливо позвал жену:

– Леночка, ты скоро?

– Уже иду, – отозвался голос из спальни.

²¹ «Великий Индра» – один из эпитетов бога Индры.

²² Одни из священных писаний индуизма.

Войдя в кабинет, Елена Владимировна подошла к столу и молча положила на свиток, рядом с изображением божества, золотую четырехугольную пластину.

– Совпадает! – изумилась она.

Владимир Иванович несколько раз поочередно навел увеличительное стекло на печатку и текст.

– Невероятно! – прошептал он. – Полное совпадение! Даже в размерах!

– И что это значит? – спросила Елена Владимировна.

– Не знаю... – Зеленин поднял глаза, растерянно посмотрел на супругу и медленно откинулся на спинку стула.

– Что будешь с этим делать?

– Теперь-то непременно надо во всем разобраться... Возможно, простое совпадение, случайность... А если нет? Интересно, это один и тот же древний автор или одна и та же историческая эпоха? Ты знаешь, мне кажется... Нет, я даже убежден, что и текст с рисунком, и эту печатку ваяла одна и та же рука!

Владимир Иванович придвинулся к свету лампы.

– Смотри, расположение рук и ног, предметы в руках и даже черты лица – все идентично! До мелочей! Отчего?.. И почему именно Брахма?

– Брахма? – переспросила Елена Владимировна.

– Так упоминается в тексте: «Только перст Брахмы», «направляемый Вишну» и вложенный «в руку праведника северного мира» освободит могущество Индры...

– «Праведник северного мира»... Витиеватая фраза. Ты не находишь? – спросила Елена Владимировна.

– Вообще-то, все объяснимо... «Северный мир» здесь употребляется не вполне в географическом смысле. В индуисткой мифологии весь мир поделен на четыре части, а точнее – четыре природные сферы. Это якобы случилось после победы Индры в войнах с асурами. Тогда он и утвердился на троне небесного владыки. Помогавшие же ему боги также получили свое. Брахма сделал их хранителями мира – локапалами. Севером – земной сферой – стал править Кубера, владыка гор и хозяин сокровищ, богу Варуне стал принадлежать Запад – сфера морская... Яма, владыка царства мертвых, стал править Югом, страной предков. Царь же богов Индра получил власть над Востоком – воздушной сферой, которую охраняет слон Айравата – вахана, то есть ездовое животное Индры...

Владимир Иванович взглянул на супругу.

– Так что вполне логично и утверждение древнего автора – правителя Восточного мира может «освободить» только праведник с иного, Северного, то есть земного, мира, не подчиненного, так сказать, наказанному богу... Но, опять же, дело даже не в этом! Дело в том, что рисунок в тексте как бы указывает, что именно должно «освободить» этого бога – «перст Брахмы»... А что есть этот «перст»?

Помолчав, Владимир Иванович задумчиво добавил:

– Значит, он приходил неслучайно...

– Кто «он»? – не поняла Елена Владимировна.

– Володин...

Супруга вздохнула:

– Ты сойдешь с ума с этим Володиным!

Но Владимир Иванович, казалось, не слышал ее.

– ...И если дневник как-то и связан с этим свитком, то, видимо, упоминанием об этом тексте... Вероятно, в дневнике что-то говорится о его назначении... Но каком?

Он вдруг уставился на жену:

– Это могут знать те, кто разыскивал дневник... – медленно произнес он. – Надо непременно встретиться с Фральцевым!

Елена Владимировна укоризненно покачала головой:
– Скоро рассветет, пошли спать!

VI. Встреча на Арбате

Москва по-прежнему задыхалась от жары и смога. На лицах уставших от дыма горожан появились непривычные для столицы марлевые повязки, с прилавок исчезли кондиционеры и вентиляторы – к великой радости торговцев, и всех поголовно интересовало только одно – когда будет дождь.

После бессонной душной ночи в институт Зеленин собирался в каком-то отрешенном состоянии. Благо лекция была запланирована на второй паре часов.

– Тебя подвести? – рассеянно спросил он жену, которая у зеркала приводила в порядок прическу. Спросил скорее машинально, поскольку все мысли по-прежнему были заняты артефактом Володина – все еще мучили сомнения, посеянные разговором с француженкой и прочтением его загадочного свитка. И развеять их мог лишь один человек – Фральцев. Но как обратиться к чертовому антиквару, не упомянув, что вскрыл оставленный на хранение тубус?

– За мной заедет Елизавета Петровна, – донеслось до его слуха.

– Совсем забыл, что у нас личный шофер, – зачем-то сказал он.

– Все шутишь? – Елена Владимировна перестала расчесывать вьющиеся соломенного цвета волосы и обернулась. – Елизавета Петровна – лучшая подруга.

– Несомненно... Только не надо так хмуриться – тебе это не к лицу. – Владимир Иванович поправил галстук и рассеянно чмокнул жену в щеку. – До вечера...

Зеленин повернул ключ зажигания. Мотор схватился сразу, заурчал привычным звуком. Пока вслушивался в ровный гул мотора, мысли вновь возвратились к тому, что не давало покоя всю ночь. «И все-таки надо с ним поговорить!» – решил Владимир Иванович и достал из кармана пиджака телефон. С минуту раздумывал, удобно ли звонить в восемь утра, но потом решительно выбрал «Список абонентов», нашел нужную фамилию и нажал кнопку вызова.

Антиквар не ответил. Зеленин с досады откинул трубку на правое сиденье и включил передачу. Однако не успел тронуться, как телефон зазвонил. Это был Фральцев.

Владимир Иванович заговорил первым:

– Михаил Михайлович, извините за ранний звонок, это профессор Зеленин. Вы в Москве?

– Рад слышать, Владимир Иванович! Да, здесь.

– Замечательно! Мы можем сегодня встретиться?

– Конечно, профессор. Вас устроит, скажем, в час дня на Новом Арбате, у кафе рядом с «Короной»?

– Вполне. Спасибо...

В толпе прохожих они заметили друг друга почти одновременно. Фральцев кивнул, его лицо, как и при первой встрече, расплылось в елейной улыбке, и, ускорив шаг, еще издали, словно желая обнять, он широко развел руки:

– Дорогой Владимир Иванович! – зазвенел уже знакомый голос. – Очень рад встрече! Я же говорил, что могу вам понадобиться...

Он протянул руку.

– Здравствуйтесь, – сухо поздоровался Зеленин. – Мне необходимо с вами поговорить...

– Конечно, конечно. Я в вашем распоряжении, – как ни в чем ни бывало проговорил Фральцев. – Может, спрячемся в кафе?

Владимир Иванович кивнул:

– Хорошо...

Время было обеденное, кафе оказалось переполненным посетителями. Они расположились за едва ли не единственным свободным столиком у входа и заказали кофе. Улыбка не сходила с лица Фральцева, а его маленькие глазки то и дело лукаво поглядывали на Зеленина из-под редких рыжих бровей. «И все же неприятный субъект...» – вдруг подумал Владимир Иванович, испытывая на себе любопытный взгляд, и, словно испугавшись быть уличенным в дурных мыслях, отвел глаза в сторону. Официант, молодой худощавый паренек, принес кофе.

– Слушаю вас, Владимир Иванович, – начал разговор Фральцев, как только официант удалился. – Чем могу быть полезен?

Зеленин отодвинул чашку в сторону.

– Михаил Михайлович, я хотел вас спросить: вы бывали во Франции?

– И только за этим вы меня позвали? – улыбнулся Фральцев, помешивая ложечкой в чашке. – Бывал, конечно. А что?

– А в Ницце?

– И в Ницце.

Антиквар с улыбкой смотрел на Зеленина.

– Что вас мучает, профессор? Вы звонили мадам Бош? Я угадал?

– Угадали... Звонил. Во Франции ее родственника Володина – которого, как я понимаю, она и в глаза не видела, – нет и не было. Однако она поведала некоторые весьма любопытные подробности...

– Какие же? – весело спросил антиквар.

– Например, те, что у нее были некто Мишель и Мартин и что они интересовались дневником экспедиции некоего Хардмана – английского ученого середины девятнадцатого века, исследователя Востока.

Фральцев наморщил лоб.

– ...Девятнадцатого века? Хардмана? Не знаю такого... Но что вам показалось в этом странным?

– Уж не вы ли, Михаил Михайлович, были у нее со своим приятелем Мартином Хагертом?

Лицо Фральцева на мгновение стало серьезным, затем он широко раскрыл глаза и неожиданно, по-детски, залился звонким смехом.

Ученый опешил.

– Ой, простите, – вздрагивая, выдавил Фральцев, – не удержался... Я так и думал, что вы об этом спросите...

– Думали? – смутился Зеленин.

Фральцев еще некоторое время трясся от смеха, затем смахнул набежавшую слезу и сложил ладошки на краю стола.

– Дорогой Владимир Иванович! – снисходительно произнес он. – Я действительно бывал во Франции, и я действительно бывал в Ницце. Но, клянусь, я никогда в жизни не встречался с уважаемой Марианной Бош. Мало ли какой Мишель забрел к ней! Во Франции Мишелей – что Иванов в России! Но вместе с тем я действительно – как, кстати, и вам – помог Мартину выйти на нее. Причем по просьбе к нему уважаемого Вячеслава Владимировича...

– Данилина??

– Не удивляйтесь... Вячеслав Владимирович не последняя личность в антикварном деле. Я же говорил, что его дача настоящий музей древностей! Удивляюсь, что вы не знали...

Зеленин неуверенно пожал плечами.

– Но между тем это так. А уж для чего им с Хагертом понадобилась старушка – мне, ей-богу, неизвестно...

Фральцев улыбнулся.

– Я удовлетворил ваше любопытство?

– Как же вы нашли ее? Через Володина?

– Нет. Через своих французских друзей. О Володине я узнал от Вячеслава Владимировича. А мадам Бош, как оказалось, знала о его существовании от каких-то индийских знакомых...

– От кого?? Индусов? Каких индусов? – Владимир Иванович вдруг вспомнил старика из информационного ролика.

– Не знаю. Вероятно, посещавших ваш институт... Она-то и поведала о том Мартину, а тот Данилину.

Они помолчали.

– Володин, выходит, общался с ней по телефону, – размышляя вслух, произнес Зеленин. – Только когда?

– Скорее всего, после...

Антиквар запнулся, но через секунду хохотнул и с обычным веселым видом завершил мысль:

– ...после приветов от «тетушки».

– И все-таки, Михаил Михайлович... – пораженный неожиданным объяснением Фральцева произнес Владимир Иванович. – Хагерт встречался-таки с родственницей Володина, и именно после этой встречи у нее исчез дневник экспедиции...

– Исчез дневник? – перебил Фральцев, отпил кофе из чашки и поинтересовался:

– Это она вам сказала?

– Нет. Она лишь сообщила, что после посещения вышеупомянутых господ у нее начались проблемы по поводу исчезнувшего дневника. А вот о том, что он утерян, сообщили по телеканалам CNN.

– Вот как?

Фральцев поставил чашку на стол и аккуратно промокнул губы салфеткой.

– Я не смотрю CNN, – с подчеркнутым безразличием заявил он. – Но, если это вас так беспокоит, можете сами спросить Мартина Марковича, что он делал у Марианны Бош и как связан с этим пресловутым дневником.

Зеленин удивленно уставился на антиквара:

– Хагерт... здесь?

– Был здесь, но вчера улетел к себе, на юг. Однако его предложение остается в силе – вы спокойно можете встретиться у него в отеле и во всем разобраться.

– Зачем я ему?

На лице Фральцева появилось безразличие.

– Ни зачем. Это я хотел сделать вам приятное. Никакой меркантильности здесь нет. Если у вас имеются к нему вопросы, вы вполне можете совместить, так сказать, приятное с полезным – и отдохнуть и поговорить с ним. По телефону, как я понимаю, этого не сделаешь...

– Но я обо всем могу поговорить и с Вячеславом Владимировичем, как я теперь понимаю.

– Можете. Только Данилин весьма скрытен, вы это знаете не хуже меня. Вряд ли он будет откровенен с вами, если дело будет касаться его антикварного интереса.

– А почему должен быть откровенен со мной Мартин Хагерт?

– Хагерт – другое дело. Он по натуре человек открытый. Да и не связан с вами никак.

Поезжайте, убедитесь сами... Вы сможете взять отпуск?

– В общем-то, смогу, – неуверенно произнес Владимир Иванович.

– Вот и прекрасно! Берите отпуск и как только с Еленой Владимировной будете готовы, звоните мне. Я тоже подьеду. Увидите, мы прекрасно проведем время и во всем разберемся! – Фральцев глянул на часы. – Извините, Владимир Иванович, мне пора!

Вставая, он просиял самодовольной улыбкой.

– Знаете что, – остановил его Зеленин и... осекся. Он хотел спросить еще о свитке Володина, но вдруг подумал, что человеку, возможно связанному с исчезновением научного сотрудника, не стоит знать, что артефакт у него, Зеленина. Тем более что текст уже прочитан.

И Владимир Иванович смущенно пробормотал:

– Знаете... вы странный человек, Михаил Михайлович...

– И чем же? – рассмеялся Фральцев.

– Такое впечатление, что все знаете наперед, но не договариваете... Будто ждете удобного случая...

Антиквар скривил совершенно неуместную рожицу и неожиданно, изменив голос, съязвил:

– Это оттого, что я *Марут*²³!

Он затрясся беззвучным смехом.

– Это шутка? – с раздражением спросил Зеленин.

– Конечно, профессор! Не берите в голову!

Владимир Иванович быстро поднялся, намереваясь немедленно распрощаться с нахалом, но в это время заиграла мелодия студенческого гимна; он растерянно похлопал по карманам, не сразу поняв, из какого доносятся звуки, и, наконец, вытащил заливающийся полифонией мобильник.

– Простите, – бросил он антиквару и торопливо поднес телефон к уху.

– Слушаю...

Лицо его посерело.

– Когда? – упавшим голосом спросил он и растерянно произнес:

– Да... конечно... буду...

– Что-то стряслось? – поинтересовался Фральцев.

– Умер Данилин...

– Умер? – Лицо антиквара покрылось мелкими пятнами. Он поднялся.

– Вчера. Сердечный приступ... – прошептал Зеленин.

²³ Маруты – боги ветров в индуистской мифологии, сподвижники бога Индры.

VII. Нелегкое решение

Неожиданная кончина Данилина потрясла всех. В вузе профессор трудился более двадцати лет и для подавляющего большинства сотрудников, включая и сравнительно молодого ректора Панова Валентина Степановича, являл собой непререкаемый авторитет «патриарха» учебного заведения.

На прощание пришел без малого весь институт. Из родных, однако, не было никого – ученый жил один. Поговаривали, правда, что в свое время Данилин был женат и даже имел взрослых детей, но большинство все же утверждало, что всю жизнь профессор прожил в одиночестве. Разнотолки, по всему, шли оттого, что, несмотря на добрый и общительный характер, несмотря на многое число коллег и учеников, близких друзей у Данилина все-таки не было, и о личной жизни профессора вне института доподлинно, пожалуй, никто не знал. Именно по этой причине, возможно, коллеги не подозревали и о сердечной болезни проректора, отчего его внезапная кончина стала настоящим шоком – даже для тех, кто был с ним относительно близок.

Всех поразило и то обстоятельство, что, вопреки слухам о богатой антикварной коллекции Данилина – весьма, оказывается, распространенным в институте – на даче, где он проживал последние годы, обнаружили лишь несколько старинных статуэток да пару картин неизвестных мастеров. Одна из них – большой портрет офицера с золотыми эполетами на красном, вероятно английском, парадном мундире – висел в каминной комнате. Портрет невольно привлек внимание Владимира Ивановича. В глаза бросалось удивительное сходство офицера с профессором. И если бы не дата на портрете – «1855», можно было подумать, что это самого Данилина ради шутки изобразили верхом на вздыбленном рысаке.

А вскоре по институту поползли слухи, хотя и объяснявшие отсутствие коллекции, но весьма насторожившие профессора Зеленина. Якобы Данилин, руководствуясь непонятно какими мотивами, ибо письменных свидетельств тому найдено не было, перед самой кончиной передал все ценности не кому-нибудь, а своему бывшему ученику. Последнее обстоятельство невольно породило в голове Владимира Ивановича казалось бы нелепую, но с каждым днем все более овладевавшую им мысль: кончина Данилина каким-то необъяснимым образом связана с Мартином Хагертом – «любимым», если верить словам Фральцева, учеником профессора. Кроме того, если антиквар не лукавил и все трое – Данилин, Хагерт и Фральцев – каким-то загадочным образом были связаны с дневником Марианны Бош, а через нее и с научным сотрудником Володиным – то и в исчезновении последнего можно было заподозрить того же успешного бизнесмена. Либо их обоих – Хагерта и Фральцева. И думать так, к сожалению, были основания – рыжий антиквар сам подсказал логику возможных событий, сводящуюся к следующему.

Каким-то образом, скорее всего через всю ту же мировую паутину интернета, Данилину, а через профессора и его бывшего аспиранту Хагерту – становится известно о существовании у некой француженки мадам Бош загадочного дневника пропавшей экспедиции. Неясно, чем он их заинтересовал, но, так или иначе, дневник им для чего-то понадобился.

Однако самую хозяйку дневника еще необходимо было найти. За помощью они обращаются к Фральцеву, у которого имелись связи за рубежом, и тот француженку находит. Тотчас же к ней отправляется Мартин Хагерт в компании некоего Мишеля – возможно, француза, помогавшего Фральцеву в розыске. Они предлагают старушке продать им дневник, но та наверняка отказывает, поскольку Национальное географическое общество Великобритании уже ведет с ней переговоры о получении прав на экспертизу и опубликование дневника.

Помогает антиквару случай – от старушки он узнает о родственнике в России, который по невероятному совпадению трудился в институте Данилина. Возможно, она поведала и о

древнем свитке, о существовании которого могла знать из того же дневника; знать и, соответственно, предполагать, что артефакт находится именно у русского племянника. Так или иначе, сердце старушки дрогнуло, несмотря на неизбежный скандал с британским географическим обществом, и она соглашается передать дневник Володину, искренне веря, что родовые записки попадут именно в руки наследника.

Однако не тут-то было. По возвращении антиквара кто-то – вероятнее всего Данилин – сообщает бедному Константину Дмитриевичу об объявившейся во Франции тетушке, но о дневнике – ничего. Хотя не исключено, что профессор о нем и не знал, сделку с француженкой Хагерт мог скрыть, сославшись на полученный от нее отказ. А тем временем втайне от обманутого учителя он приступает к настоящей охоте за «семейной реликвией» Володина. Тот это понял, испугался, по совету Фральцева отнес свиток к нему, Зеленину, и... загадочным образом исчез. И если это исчезновение насильственное, то, дабы замести следы, устранен был и лишний свидетель – Данилин...

Именно такая ужасная картина представлялась теперь, после кончины проректора, Владимиру Ивановичу. Картина, связавшая воедино всех четырех персонажей таинственной истории, в которую невольно впутался и персонаж пятый – он сам. От одной этой мысли у Владимира Ивановича замирало сердце – значит, и ему теперь предстояло испытать на себе всю жестокость этих алчных людей! И тогда его мозг начинал лихорадочно искать в надуманной конструкции нестыковки, свидетельствующие, что это не совсем так, что под впечатлением внезапной кончины Данилина он нагородил в голове черт знает что, от чего самого берет оторопь. Искал и... на удивление, находил.

Например, Марианна Бош... Как, от кого в далекой Франции старушка могла узнать о русском Володине? Фральцев упоминал неких индусов, якобы посещавших институт. Но от кого в институте могли почерпнуть эту информацию они, индусы? Только от самого Володина. Однако почему, как утверждал Фральцев, французской тетушке он позвонил лишь после посещения ее Хагертом? Получается, до того Володин о родственнице и не подозревал. Конечно, мог ей о русском родственнике поведать бизнесмен, некогда работавший над диссертацией у Данилина. Но знал ли Хагерт неприметного научного сотрудника из научно-исследовательского отдела, который пришел в институт лишь после оставления им аспирантуры? Не факт... Да и как о сих родственных связях мог он узнать, от кого? Загадка... А коль так, то выходит, никакую старушку Хагерт не обманывал и именем Володина не торговал! И значит, никакого дневника у него нет, а потеря Марианной Бош старинных записок никак не связана с появлением у ней «Мартина и Мишеля»!

Затем Фральцев... Володин упомянул его как человека, посоветовавшего укрыть артефакт именно у него, Зеленина. Фральцев это отрицает – что не лишено основания, поскольку они знакомы не были. Но если это и так, то для чего ему понадобилось это советовать? Чтобы свиток не достался Хагерту? Володина устранят, а свиток останется у того, у кого его легко можно отнять? Неслучайно же он в тот же день столь настойчиво добивался знакомства... Но, во-первых, для этого необходимо было знать, что никому не известный свиток находится у Володина, а, во-вторых, это означало бы, что Фральцев интригует против Хагерта, что явно расходится с реальностью – антиквар с восхищением отзывается о бывшем аспиранте и даже предлагает провести у него отпуск... Выходит, никого – ни Данилина, ни Хагерта, ни Фральцева – нельзя обвинить в чем-то непристойном, тем более в исчезновении Володина...

И все-таки тревога оставалась. Как ни крути – неизвестный дневник старушки Бош исчез, и именно после вояжа к ней Хагерта. Ее русский родственник Володин пропал и до сих пор не объявился, к чему непосредственно причастен он – профессор Зеленин – согласившийся укрыть неизвестно от кого древний артефакт своего коллеги... И вообще – что такого в этих

дневнике француженки и свитке научного сотрудника, чтобы за одним, сломя голову, мчать в Ниццу, а другой столь таинственно прятать?

И эта загадочная судьба Данилина... Отчего он столь неожиданно передал собранные сокровища «любимому ученику», если таковой, конечно, был? Уж не Мартину ли Хагерту? И добровольно ли? Если да, то, видимо, в предчувствии приближающейся кончины. Но отчего столь внезапной? Цветущий Вячеслав Владимирович никогда не жаловался на сердце... А если не добровольно? Тогда этот «ученик» весьма страшная личность! И вполне возможно, на его совести исчезновение Володиной!

Эти мрачные мысли буквально изводили Владимира Ивановича, вызывая отвратительное ощущение одиночества. Ибо, как он вдруг понял, поделиться своими раздумьями не мог ни с кем. Ни с коллегами, которые наверняка сочли бы его свихнувшимся, ни с супругой, Еленой Владимировной, которую ни за что не желал тревожить сомнительными страхами, ни в конечном счете с «представителями правоохранительных органов». И дело уже было не в перспективе оказаться непосредственным соучастником исчезновения коллеги, а скорее в том обстоятельстве, что, кроме вскрытого тубуса и досужих предположений о причинах случившегося, не было у него ничего. Даже подтверждений тому, что покоившийся в ящике стола свиток принадлежал не кому-нибудь, а именно пропавшему Володину.

И незаметно для себя Владимир Иванович замкнулся и внешне, словно постарел на несколько лет – осунулся, стал неразговорчивым, откровенно рассеянным. Коллеги все чаще стали сочувственно провожать его взглядом, когда он, погруженный в думы, оставлял без ответа их учтивые приветствия, а в аудиториях недоуменно зашептались о болезни профессора. А вскоре Зеленин был приглашен и в кабинет ректора.

Валентин Степанович встретил его дружески. Любезно предложил пройти в комнату, скрытую от обычных посетителей, и, распросив за чаем о делах кафедры, неожиданно заинтересовался:

– Владимир Иванович, как вы себя чувствуете?

– В каком смысле? – не сразу понял Зеленин.

– Все ли у вас в порядке со здоровьем?

– Спасибо, все вроде бы хорошо... А почему вы спросили? – Он грустно улыбнулся. – Уж не предлагаете ли уйти на пенсию?

– До пенсии вам еще далеко, но вот в отпуск пойти я вам настоятельно советую. У вас весьма усталый вид. Со дня кончины Вячеслава Владимировича вы сильно изменились. И это, кстати, заметили сотрудники...

Зеленин вопросительно посмотрел на ректора.

– Отпуск? Начинается сессия... У меня экзамены.

– Мы все уладим, Владимир Иванович. Вы нам нужны отдохнувшим и здоровым! Мой вам совет – берите Елену Владимировну и поезжайте на юг, отдохните...

Зеленин опустил глаза:

– На юг? Мне это уже предлагали...

– Тем более! Подумайте...

Владимир Иванович угрюмо кивнул в ответ.

«Ехать на юг...» – Зеленин глубоко вздохнул. Электричка с грохотом неслась по туннелю метрополитена.

«А может, принять предложение Хагерта? К самому черту? Впрочем, что он знает обо мне? – подумал Владимир Иванович. – Он пригласил – я приехал...»

Профессор поехал.

«Но для чего-то же он пригласил. Не за красивые же глаза... Вытрясти из меня артефакт Володина? Но знает ли он про него? Возможно... От Фральцева... Неспроста антиквар так настаивал на поездке. Ты же сам проболтался ему о визите Володина... Шляпа! Этот лис, конечно же, обо всем смекнул...»

Электричка со скрежетом стала тормозить. Пассажиры, на которых он до сих пор не обращал внимания, оживились, стали готовиться к выходу, все плотнее выстраиваясь у дверей. Зеленин безучастно взглянул на них, и мысли вновь поглотили его.

«А вдруг я ошибаюсь? Что если все они вполне добропорядочные граждане и никакого отношения к дневнику не имеют? Что если Хагерт встречался с француженкой совсем по иным нуждам, а Володин уехал всего лишь к знакомой подруге? Вопрос... Самое время спросить этого Хагерта... И что все-таки в этом дневнике, будь он неладен?»

Электричка, прорвав мрак туннеля, с грохотом ворвалась в сияющий огнями зал станции метро.

«Может, все-таки принять приглашение?.. Но не постигнет ли тебя судьба Данилина и Володина?»

Двери вагона распахнулись, и пассажиры, столпившиеся на площадке, плотной массой стали выплескиваться на перрон.

И вдруг, словно отвечая на его мысли, чей-то шепот буквально пронзил его мозг: «Не постигнет...» Зеленин оцепенел – не ослышался ли? Сидевший рядом седой мужчина встал и, шагнув к выходу, растворился среди пассажиров, теснимых уже встречными потоками спешащих протиснуться в вагон людей.

Профессор бросился к дверям, но ввалившаяся вдруг толпа вдавила его к стеклу противоположного выхода.

«Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция “Пушкинская”!» – объявил металлический голос.

Двери с шумом захлопнулись, затем приоткрылись и, словно утрамбовывая содержимое поезда, вновь хлопнули резиновыми торцами. Вагон дернулся и начал разгоняться. За окнами все быстрее и быстрее замелькали лица выстроившихся на краю перрона людей, и неожиданно среди них мелькнуло что-то знакомое... Зеленин вытянул шею над плечом стоявшего впереди парня, но лицо незнакомца быстро уплыло в конец уже набравшего скорость вагона.

– Индус! – невольно вырвалось у Зеленина.

– Вы мне? – удивленно спросил, обернувшись, парень.

– Простите... Не вам...

Владимир Иванович не знал, как сообщить о своем решении жене. Разговор произошел не сразу. Поужинав, Владимир Иванович задержался на кухне, однако еще долго не решался заговорить.

– Меня сегодня приглашал к себе Валентин Степанович, – наконец, выдал он.

– Да? И зачем? – спросила Елена Владимировна, намывая посуду.

– Предложил идти в отпуск...

– Надо же! – не оборачиваясь, воскликнула жена. – С чего бы это? Как же сессия?

– Это они уладят...

Елена Владимировна перекрыла воду в кране, повернулась и, протирая полотенцем тарелку, спросила:

– И что ты решил?

– Думаю последовать совету... Я действительно устал.

Женщина вставила тарелку в шкаф, повесила полотенце на поручень плиты и, не спеша, под села к мужу.

– Когда же? – спросила она.

– Думаю – с понедельника.

Елена Владимировна улыбнулась.

– Я могла бы договориться и взять недельку-другую за свой счет. Куда мы поедем?

Владимир Иванович отвел взгляд. Ему неожиданно захотелось рассказать все, что он думал об антикварах и о только что произошедшем случае в метро, но... не решился.

– Наверное, приму приглашение Фральцева...

Владимир Иванович увидел, как с лица жены медленно сползла улыбка, и поспешно добавил:

– Поживу какое-то время у моря в отеле его приятеля, отдохну...

Елена Владимировна внимательно посмотрела на мужа.

– Ты уверен, что это правильное решение?

Зеленин опустил глаза:

– Не уверен...

– Тогда зачем же?..

– Хочу знать секрет дневника! – вдруг разгорячился профессор. – Хочу понять, как этот проклятый дневник связан со свитком Володина и его исчезновением! И если его у них нет – значит, все наши опасения беспочвенны, умозаключения неверны, и мы имеем дело с порядочными людьми, у которых обязаны просить прощения за необоснованные подозрения! Если же...

– Если что? – оборвала мужа Елена Владимировна.

– ...Если дневник у них – значит, исчезновение Володина и смерть Данилина – дело их рук. И виной тому, я уверен, содержание дневника... И я хочу его знать!

– Володя, опомнись! – воскликнула жена. – Кто же тебе скажет про то содержание? Еще раз говорю – это не наше дело! Снеси все в полицию, пока не случилось беды! И не вздумай с ними встречаться! Мы никуда не едем!

Зеленин молча смотрел на жену, подбирая нужные слова.

– Лена, – негромко, но твердо произнес он. – Я должен ехать! Завтра пишу заявление и выкупаю билеты.

Лицо Елены Владимировны стало серьезным.

– В таком случае – мы едем вместе!

Владимир Иванович затряс головой:

– Это невозможно!

– Только вместе! Или не едет никто!

Из записок Питера Грина

«26 июля 1858 г. Индия. Вчера ливень закончился. После шумных сборов мы выступили из лагеря на четырех слонах, величаво вышагивающих один за другим. На спине первого восседали профессор Хардман и майор Кроувль с бессменной сигарой в зубах. Путь, по которому они вели отряд, пролегал по джунглям вдоль неширокой речки, вверх по течению. Несмотря на хороший ориентир, они то и дело разворачивали карту, подолгу рассматривали ее и о чем-то переговаривались.

Второго слона оседлали капитан Гелихард и капрал Дэн – угрюмый широкоплечий солдат с роскошными усами. С утра капитан был явно не в духе, и мы слышали, как он то поносил непролазные джунгли, то распекал за пустяки молчавшего рядом капрала. За ними следовали мы с лейтенантом Деликтоном, а на четвертом слоне, груженном тюками, восседал черный как смоль сикх в огромной синей чалме. По проторенной животными тропе, замыкая караван, шли солдаты отряда.

Мы изредка переговаривались с Генрихом. Нашим погонщиком был пожилой индус, за все путешествие проронивший лишь пару слов. Я с любопытством рассматривал сутулую спину старика и, не скрою, искренне восхищался его умением спокойно, без суеты управлять громадным животным, повинующимся едва уловимым движениям анкуса – короткого багорчика с довольно-таки острым наконечником.

В начале пути, после вынужденного, почти недельного безделья, в отряде царило всеобщее воодушевление. Солдаты бодро шагали за слонами, шутя и подзадоривая друг друга. Но к концу дня, когда стало смеркаться, все заметно устали. Даже прежде послушные животные все чаще сходили с тропы, пытаясь хоботом сорвать листву с деревьев, и оттого погонщикам, в том числе и нашему молчаливому индусу, все усерднее приходилось работать своими баграми, отчаянно терзая ими то одну, то другую стороны слоновьих холок.

Джунгли с каждым шагом становились все гуще и темнее. Особенно трудно приходилось идущим за слонами стрелкам, которые беспрестанно рубили ветки короткими палашами, с трудом пробиваясь сквозь чащу, непролазную даже после прохождения наших исполинов. Отряд стал отставать. И чем усерднее сверкали палаши стрелков, тем чаще в их рядах раздавались ругань и недовольные возгласы. Деликтон, с нарастающим беспокойством поглядывавший на солдат, попытался обратить внимание капитана Гелихарда на необходимость привала, но тот лишь недовольно прорычал: “Не ваше дело, сэръ!”

Вскоре отряд вышел на небольшую поляну, поросшую высокой травой, и майор, наконец, дал долгожданный сигнал. Все облегченно вздохнули. Путешествующие верхом – оттого, что рады были, наконец, размять затекшие ноги; шедшие же пешком – что могли этим ногам дать возможность отдохнуть. И как только был объявлен привал, почти все они повалились в траву, вмиг усыпав поляну взмокшими уставшими телами. Но через несколько минут прозвучала новая команда. Погонщики тут же занялись своими могучими животными, солдаты дружно принялись за возведение палаток, запылали костры, и вскоре воздух наполнился ароматом походной каши. Ко мне подошел Хардман и тихо спросил:

– Как наши дела, Питер?

Я не сразу понял, что он имел в виду, но, спохватившись, показал взглядом на висевший у меня на боку чехол от подзорной трубы. Хардман удовлетворенно кивнул.

Ужинали молча. Усталость давала о себе знать, и скоро поляна опустела. Я едва дотащился до палатки, завалился на кровать и почти сразу заснул...

27 июля 1858 г. Под утро меня разбудил истошный человеческий вопль. Когда открыл глаза, раздались леденящий душу звериный рык и один за другим – два выстрела, звонким эхом отозвавшихся в утреннем лесу. В одно мгновение лагерь пришел в движение, послышались крики, топот бегущих людей...

Я выскочил из палатки. Мимо меня к дальней части лагеря мчались полунагие с винтовками стрелки. Оказалось, тигр напал на спящих у края поляны индусов, прокусил глотку одному из них, и когда дежуривший солдат ранил зверя, хищник бросился на него, подмял и только рискованный выстрел напарника остановил свирепого хозяина джунглей.

Толпой мы подбежали к месту трагедии. Взору открылась страшная картина: умирающий индус храпел, испуская из перекушенного горла кровавую пену; в стороне, метрах в пяти от него, лежал бездыханный тигр, из-под огромной туши которого солдаты пытались освободить стонущего, залитого своей и звериной кровью стрелка...

– Плохой знак, сагиб, – послышалось позади меня.

Я обернулся. Это был наш погонщик.

День провели на поляне. Вечером, когда в джунглях уже стемнело, я случайно застал Хардмана на берегу реки. Он сидел на камне и смотрел на противоположный берег. Едва я подошел, он, взглянув на меня, печально произнес:

– Не правда ли, забавно, Питер... Эта скала, – он кивнул на освещенный последними лучами солнца камень, – похожа на того оскалившегося тигра?

Всмотревшись в очертания скалы, я согласился:

– Действительно, похожа...

Хардман помолчал, думая о своем, и неожиданно спросил:

– “Грин”, кажется, ваше прозвище, Питер?

– Университетское, профессор. В группе я был самый молодой... В действительности я Бессонов. Петр Бессонов...

– Да, конечно... Я помню, – кивнул Хардман задумчиво. – Извините, Питер, я просто спросил.

Перед тем как разойтись по палаткам, профессор еще раз спросил, где я храню то, что он передал. Я вновь показал висевший на плече чехол...»

VIII. Отель «Лазурный Дельфин»

Зеленины сошли на перрон приморского вокзала. Было душно, хотя стрелки привокзальных часов показывали всего семь без четверти утра. По перрону сновали люди с чемоданами и баулами, громко прощались отъезжающие, кричали встречающие, загорелые мужчины и женщины навязчиво предлагали такси и места для постоя – и вся эта суета, казалось, двигалась, волновалась и гомонила одной живой массой, поначалу даже ошеломившей сошедших с вагона супругов. Но вот они растворились в сутолоке курортного люда, в нетронутые ультрамаринном лица ударили первые лучи южного солнца, заставив с непривычки зажмуриться, и постепенно не оставлявшая их доселе тревога сменилась еще неясным, но радостным предчувствием отдыха...

Как и обещал Фральцев, их встретил водитель – коренастый, с крепкой мускулатурой и коротко, почти наголо, стриженный парень лет двадцати пяти, представившийся Андреем. Он аккуратно сложил чемоданы в багажник сверкающей иномарки, помог Зелениным разместиться на задних сиденьях и, усевшись за руль, обернулся.

– Если не торопитесь, могу показать город, – предложил он, словно угадав еще в поезде возникшее желание супругов ознакомиться с достопримечательностями портового города.

– А ехать далеко? – спросил Владимир Иванович.

– Часа четыре.

Переглянувшись, чета решила не задерживаться. Водитель кивнул, привычным движением завел машину, и они тронулись...

Из города выехали скоро. Дорога замысловато запетляла меж живописных холмов, а вскоре – все заметнее поднимаясь в гору – покатила серпантинном по узким ущельям, сжатым с обеих сторон крутыми лесистыми склонами.

Примерно через час, после бесконечного множества головокругительных поворотов, как-то внезапно выскочили к побережью. Перед ними открылся изумительный вид на искрившееся внизу бескрайнее море. Елена Владимировна опустила стекло, и стремительно ворвавшийся ветер вмиг наполнил салон густым йодистым запахом водорослей, жаром раскаленных камней и каким-то дурманящим ароматом южной растительности. Вдыхая незнакомый воздух, они смотрели на мелькавшие внизу отели и домики, утопающие в изумрудной зелени, на переполненные пляжи с полосой прибрежного прибоя, на белевшие в голубом просторе точки парусов и парящих над ними чаек...

Затем машина свернула за скалу, волшебные краски моря исчезли, и они вновь покатали по извилистой горной дороге, жавшейся к обнаженным скалам и, казалось, висящей над бездонной пропастью.

Еще через час, после очередного крутого виража, автомобиль свернул на обочину и, долго притормаживая, остановился вдруг у показавшегося справа придорожного ресторана.

– Перекур! – объявил, словно самому себе, Андрей, и, будто что-то вспомнив, быстро повернулся к пассажирам. – Не возражаете? Кстати, здесь можно позавтракать – место уютное!

Зеленины одновременно поворотили головы в сторону ресторана.

Это удивительное заведение располагалось под открытым небом, в расщелине зеленой горы, вероятно образованной некогда случившимся оползнем. От вертикальной скалы в ее глубине ступенями сходили вниз широкие террасы с рядами белых столов; слева от них, прозрачно поблескивая на солнце, шумно стекала горная вода, составляя целый каскад освежающего потока.

Зеленин с восторгом взглянул на жену.

– Не возражаю! – весело согласилась Елена Владимировна.

Они вышли из машины. Поднявшись по ступеням до середины каменной лестницы, осмотрелись. Оказалось, в полу каждой из террас, перед столами, были выдолблены длинные и узкие запруды, мерно рябившие ниспадавшим потоком с верхних ступеней. А, пройдя к ближайшему столику, Зеленины с изумлением обнаружили, что в проточной воде этого искусственного водоема, у самых их ног, плескалась, беззаботно шевеля плавниками, стайка форелей.

Внезапно объявившийся официант улыбнулся – любую из них, по выбору, можно приготовить. Супруги не удержались и, присев за стол, заказали по форели и бокалу прохладного домашнего вина...

Часа через полтора машина вновь запетляла по узкой горной дороге – то теряясь меж лесистых вершин, то выскакивая к крутому повороту, за которым зияла бездна головокружительного обрыва с захватывающим видом на сверкающее под лучами солнца бесконечно бирюзовое море. Затем поворот, каменная стена, и машина поднимается к следующему обрыву, еще более крутому, с еще более восхитительным видом на морской простор...

Наконец, дорога стала уходить вниз. Вскоре показались и первые признаки поселка – отдельные дома с тенистыми дворами, увитыми паутиной дикого винограда, бредущие по обочине курортники, обвешенные надувными матрацами и полотенцами, торговые лавки, небольшие базары...

Их водитель, все это время молчавший, мотнул головой:

– Подъезжаем...

Но до поселка они не доехали – резко свернули направо и вновь стали подниматься в гору, уже параллельно основной трассе, скрытой теперь густой кроной самшита.

– Отель на вершине скалы! – объяснил парень. – Как раз над пляжем... Спуск к нему – вниз по лестнице...

– Интересное место... – кивнул Владимир Иванович. – Скрытое от глаз.

– Зачем они, лишние глаза-то? – усмехнулся Андрей.

Зеленины переглянулись. Глядя на кулаки водителя, покрывавшие почти половину руля, Владимир Иванович почему-то подумал, что этот Андрей получает зарплату не только за мозги – возможно, охранник...

Впереди, почти у самой вершины, показался высокий забор с изящными столбами из белого камня. Некоторое время ехали вдоль него, но вот автомобиль вбежал на вымощенную камнем площадку и, резко свернув влево, уткнулся в широкие, с красивыми узорами ворота с калиткой и камерой слежения. Над ними, во всю длину, красовалась бросающаяся в глаза вывеска: «Отель “Лазурный Дельфин”».

– Забавное название, – заметила Елена Владимировна.

Парень мельком взглянул на нее через зеркало заднего вида.

– Сначала была эмблема – Мартин Маркович придумал, – сказал он. – К ней привыкли, так и отель стали называть... А поначалу хотели назвать по-другому. Что-то вроде «Южной Звезды»... Иногда помогал хозяину, когда просил, оттого знаю.

Ворота неожиданно открылись. Машина плавно тронулась с места и, шурша, покатила по красной брусчатке просторного двора.

Слева, сразу за воротами, начиналась зеленая лужайка, на которую отбрасывали тень несколько королевских пальм и роскошный эвкалипт. Справа, за высокими кустами, виднелись синие крыши домиков.

– Флигель и офис Мартина Марковича, – кивнул в их сторону Андрей. – Рядом с офисом – за кустами не видно – стоянка для машин. А слева, за пальмами – бассейн...

Зеленины повернули головы.

– Двадцать метров... Во всем поселке такого нет!

В голубой ванне бассейна резвились две девочки, лет по двенадцати. И столь беззаботно и весело, что Елена Владимировна невольно улыbnулась.

Со стороны лужайки под общим навесом стояло несколько лежаков и шезлонгов, на одном из которых, в легком халате, сидела, уткнувшись в книгу, молодая женщина. Она оторвалась от чтения, бросила любопытный взгляд на подъезжающий автомобиль и что-то сказала плескающимся подружкам.

Зеленины вышли из машины и осмотрелись. Отель представлял собой трехэтажный особняк с белоснежными стенами и голубой крышей. Левый, овальный фасад отеля возвышался почти у края скалы, у подножия которой, по словам водителя, начинался пляж. Широкая лестница в центре здания вела к поблескивающему на солнце стеклянному входу, увенчанному почти в натуральную величину голубым дельфином, словно выпрыгивающим из морских глубин.

– Это и есть «эмблема»? – улыbnулся Владимир Иванович.

– Она самая! – оскалился водитель, доставая чемоданы из багажника.

Стеклянные двери отеля внезапно распахнулись, и к машине устремился черноволосый мужчина выше среднего роста, с виду лет тридцати пяти. На нем были голубые брюки, белая рубашка с короткими рукавами и синим воротничком. «Олег Янковский», – прочел про себя Владимир Иванович надпись на бейдже и мысленно усмехнулся – уж не родственник ли артиста?

Портье вежливо поздоровался.

– Мартин Маркович просил извинить, что не смог встретить лично. Он приедет с минуты на минуту...

«Нет, не родственник... – почему-то разочарованно подумал Зеленин, рассматривая мужчину, перекладывающего чемоданы в блестящую золотом тачку. – Никакого сходства...»

И действительно – черноглазый, с узкими глазами и коротким шрамом на правой щеке – этот Янковский даже отдаленно не мог походить на известного однофамильца...

Внутри отель был богато обставлен и уютен. Во внутренней отделке и убранстве – картинах на стенах, расписных потолках и полах, даже в шторах – всюду чувствовался изысканный вкус. Супруги сразу отметили и мягкий, привычный для приезжего человека микроклимат, который невозможно было не оценить после безжалостной уличной жары.

Приемная стойка располагалась прямо перед входом. Рядом – мраморная лестница, ведущая на верхние этажи. Справа от входа – диванная комната, поскольку через приоткрытую дверь Зеленины разглядели софу и огромные напольные часы. Слева, вероятно, находилась столовая, судя по сверкающей на подставке золотистой пластинке с надписью почему-то на английском – «Breakfast».

Вскоре с формальностями было покончено. Портье Янковский, объясняя на ходу распорядок отельной жизни, проводил гостей на третий этаж. Открыл электронным ключом комнату «5» – рядом с крайним, в овальной стороне отеля, номером – раскланялся и сразу удалился.

Номер встретил Зелениных изумительным видом на море, вдруг открывшееся перед ними в огромном, на всю стену окне. Владимир Иванович быстро распахнул стеклянную дверь, в комнату ворвался шум прибоя, и он, глубоко вдохнув пахнувший в лицо морской воздух, шагнул на лоджию. Пройдя к перилам, замер – завораживающая панорама предстала его взору. Сразу за кромкой скалы, на которой стоял отель, шумело и переливалось мириадами искр широкое, на весь горизонт, море. Слева, внизу за ограждением, тянулась вдоль берега полоска песчаного пляжа, упиравшаяся в поросшую зеленью гору. На ее вершине белела в легкой

дымке едва различимая беседка. Справа подступала стена густой растительности, надежно скрывающей отель от посторонних взглядов со стороны дороги.

– Здесь действительно здорово! – громко, чтобы услышала жена, воскликнул Зеленин.

Елена Владимировна подошла и нежно обняла широкую спину мужа.

– Как тебе номер? – спросил он.

– Великолепен... Я только что была в спальне. Этот Маркович не только богат, но еще имеет вкус...

– Похоже. – Владимир Иванович повернулся. – Что будем делать?

– Может, на пляж?

– Прекрасная мысль! – Владимир Иванович поцеловал жену.

– Но, кажется, к нам гости...

Супруги прислушались. В дверь стучали.

– Сейчас, сейчас, – несколько раз громко повторил Владимир Иванович, направляясь в прихожую. Он повернул ручку двери.

На пороге стоял высокий, лет сорока пяти мужчина. Несколько продолговатое лицо, внимательный взгляд карих глаз, прямой нос, тонкие губы. Широкий волевой подбородок и короткая модная прическа с тщательно подбритыми темными висками – придают лицу некое изысканное благородство.

– Здравствуйте... Владимир Иванович? – осторожно, словно сомневаясь, что перед ним именно Зеленин, осведомился мужчина.

– Здравствуйте... Он самый... – машинально кивнул профессор и выжидательно уставился на незнакомца.

– Хагерт Мартин Маркович, – отчего-то смутившись, представился тот. – Рад видеть вас в отеле... Вот ваш багаж.

Мужчина посторонился, пропуская вперед уже знакомого им портье.

– Куда поставить?

– Можно здесь – мы разберемся...

Портье опустил на пол чемоданы. Хагерт одобрителем кивнул, и тот вышел.

– Проходите, Мартин Маркович... Лена! – Зеленин позвал жену. – К нам пришел Мартин Маркович, хозяин отеля...

– Ну, что вы так! – запротестовал мужчина, проходя вперед. – Здесь хозяйева наши постояльцы...

Зеленина вошла в комнату.

– Здравствуйте, Елена Владимировна, – учтиво поклонился ей Хагерт. – Весьма рад, что приняли предложение погостить... Михаил Михайлович много говорил о вас.

– Обо мне? – удивилась женщина.

– О вашей семье, – поправился Хагерт.

– В таком случае я также наслышана о вас...

Зеленина с улыбкой протянула руку.

Мартин Маркович пожал ее ладонь, но, перехватив взгляд женщины на татуировку между его большим и указательным пальцами, осторожно отпустил.

– Якорь... ошибка молодости, как говорится, – попытался пошутить бизнесмен и тут же спросил:

– Как вы устроились? К сожалению, не успел вас встретить... Дела, знаете ли. В основном здесь управляется Марина Львовна – супруга.

Елена Владимировна улыбнулась:

– Замечательно устроились, Мартин Маркович, спасибо! Вид здесь потрясающий!

– Что да, то да, – согласился хозяин. – Этот вид в свое время и соблазнил. Кстати, вы завтракали?

- Да, спасибо.
- Все очень хорошо, – вставил Зеленин.
- Для отеля готовят в «Прибое» – ресторане на набережной. Там отличный шеф-повар...
- Спасибо. Нам уже объяснили.
- Ну, не буду мешать... Если что понадобится – к вашим услугам. По первому звонку. Отель небольшой, всего восемь номеров, но все «De luxe». Завтра должны заехать последние. Кстати, и Михаил Михайлович...
- Вот как?
- Да, ждем его. Ну, а с остальными постояльцами, я думаю, вы познакомитесь. Что касается прогулок и экскурсий, наши портье – их у меня трое – организуют в любое время. Надеюсь, вы прекрасно проведете время! Ну, еще раз... не буду вам мешать...
- Спасибо за приглашение, Мартин Маркович, – уже в дверях поблагодарил хозяина Зеленин. – Даже не знаю, чем мы обязаны такому гостеприимству.
- Я всегда готов оказать услугу друзьям Михаила Михайловича... Тем более такому замечательному ученому, как вы, Владимир Иванович...
- Спасибо... – протянул Зеленин. – Признаться, не ожидал подобного комплимента.
- Я, видите ли, старый коллекционер, люблю Древний Восток – Египет, Индию... Кое-что из коллекции оружия есть и здесь... Иногда просматриваю и научные журналы. Недавно, вот, наткнулся на вашу статью по мифологии...
- «Индра в ведийском пантеоне»?
- На нее. Ну... не буду больше злоупотреблять вашим драгоценным временем. – Он протянул руку. – Как будете посвободнее – с удовольствием покажу вам свою скромную коллекцию. Хорошего отдыха!
- Мартин Маркович, – остановил его Зеленин.
- Да. – Хагерт внимательно посмотрел на профессора. – Я вас слушаю... Владимир Иванович замялся.
- Нет, ничего... Еще раз, спасибо за приглашение...
- Не стоит...

- Хотел спросить о дневнике? – поинтересовалась Елена Владимировна, когда муж вернулся в зал.
- Знаешь, так и подмывало, – признался Зеленин.
- Что же не спросил?
- Вот, не решился. Все-таки только познакомились... Как он тебе?
- Елена Владимировна опустила в кресло и, подбирая слова, сказала:
- Симпатичный, представительный...
- Тебе не показалось, что он был чем-то смущен?
- Возможно... Я заметила – у него на руке наковка – якорь. Не находишь это странным – коллекционер, почти ученый, и вдруг – якорь!
- Владимир Иванович пожал плечами:
- Ну и что? Он же сказал – ошибка молодости. А что сейчас выкалывают те же женщины? По сравнению с ними, якорь – детская шалость.
- Елена Владимировна вздохнула:
- Ладно, проехали. Когда же ты намерен спросить?
- Впереди – целых четырнадцать дней. Быть может, завтра...
- А что теперь?
- Зеленин обнял жену:
- Только море!

Собрались быстро. Портье, все тот же Янковский, подробно объяснил им, как пройти к пляжу – через калитку справа от входа в отель, дальше – вниз по металлической лестнице – на пляж. Изнутри калитка открывается нажатием кнопки замка, снаружи – картой-ключом от дверей своего номера.

Зеленин поблагодарил и заметил:

– Как-то безлюдно у вас...

Тот пояснил – время пляжное, да и в отеле всего девять отдыхающих...

За дверью диванной комнаты слышались механические звуки, гармонично складывающиеся в приятную, словно из позабытой сказки, мелодию.

– Что это? – всплеснула руками Елена Владимировна.

Портье добродушно улыбнулся:

– Одна из достопримечательностей отеля. – Он вышел из-за стойки. – Я покажу...

Портье жестом пригласил чету следовать за ним.

Зеленины вошли в уютную полукруглую комнату с розовыми обоями, двумя диванами, креслами и шкафом в стиле Людовика XIV. На стенах висело несколько старинных картин и порядка трех десятков настенных часов. У передней стены, рядом с диваном, торжественно тикали высокие напольные часы, по углам комнаты, на антикварных тумбах – каминные.

– Коллекция Мартина Марковича! – не без гордости произнес портье. – Все «рабочие», с боем и мелодиями. Правда, чтобы не мешать отдыхающим, звук оставлен только на этих... французских... Амбир эпохи Наполеона III.

Он указал на напольные часы, украшенные сверху резными ангелами, восседающими у ног обнаженной Венеры.

– У них мелодия самая приятная.

– Они великолепны! – вновь всплеснула ладошами Елена Владимировна. – И как долго собирали коллекцию?

– Не могу сказать...

– Наверняка не один год, – пришел на помощь Владимир Иванович. – Но, кажется, мы собирались на пляж...

– Да, да... идем...

Елена Владимировна еще с минуту с восхищением оглядывала убранство комнаты. Наконец, повернулась к мужу:

– Это действительно великолепно!

IX. Под южным небом

Зеленины вышли во двор и невольно зажмурились от яркого света. Раскаленный воздух, насыщенный запахами южной растительности, закружил голову.

– Какая жара! – Елена Владимировна надела солнцезащитные очки. – Давненько же не были на юге...

– Вот и отдохнем! – подал голос Владимир Иванович.

Они пошли вдоль бассейна, голубую гладь которого с наслаждением пересекали теперь незнакомый мужчина и женщина – та, что недавно сидела под навесом. Девочки, прежде резвившиеся в воде, теперь отдыхали на лужайке, в тени пальм, прикрыв головы цветастыми паннами.

– Какая прелесть! – заметила Елена Владимировна. – Надо обязательно здесь позагорать...

– Непременно, – отозвался муж и открыл калитку.

Они вышли на небольшую площадку, огороженную витиеватыми металлическими перилами. Слева от нее вниз вела лестница с пятью или шестью пролетами. Но супруги не стали спускаться сразу – с площадки открывался прекрасный вид на море и пляж, который из номера отеля был виден только дальним краем.

Над пляжем, мерно омываемым набегавшими волнами, возвышалась закатанная в асфальт набережная, посреди которой, словно бриллиантовый цветок, дрожал и поблескивал в лучах солнца водяной конус фонтана. По краю променада, со стороны моря, тянулась нитка белых каменных балясин, обрывающаяся где-то у подножия противоположной горы; со стороны же поселка набережная пестрила бесконечными рядами ресторанчиков, кафешек, дымящихся шашлычных и множеством торговых лавок. И пляж, и набережная – все было заполнено людской массой, похожей на волнующееся море, вдруг выплеснувшееся на берег и весело забурлившее по песку и асфальту пестрым разноцветьем тел и плавок...

Владимир Иванович неожиданно рассмеялся:

– Спускаться будет легко, – кивнул он на лестницу, – а вот подниматься...

– Зато полезно! – воскликнула Елена Владимировна. – Пойдем!

Супруги спустились вниз и, недолго раздумывая, устроились на песке недалеко от скалы, почти у самой лестницы. Раздевшись, Владимир Иванович достал из сумки очки для плавания, жена тщательно заколола волосы, и они с удовольствием вошли в теплую волну, лениво набежавшую им навстречу.

Плескались долго, с наслаждением. Выйдя на берег, растянулись на подстилках, подставив тела под палящее солнце. Елена Владимировна, лежа на спине, зажмурилась и тихо, почти шепотом спросила:

– Здорово, не правда ли?

– Нет слов, – согласился Зеленин.

– Помнишь, у Ахматовой: «Жарко, веет ветер душный, солнце руки обожгло...»

Владимир Иванович подхватил:

– «...надо мною свод воздушный, словно синее стекло»...

И, наслаждаясь набежавшей истомой, они замолчали – закрыв глаза и не обращая внимания на переполненный пляж, гудевший и живший своей праздной жизнью, неотделимой от прибоя и солнца...

Их покой нарушил хриплый голос, раздавшийся рядом:

– Схожу в кафе... Принести чего?

Зеленины почти одновременно открыли глаза. Над ними стоял мужчина в натянутых до пупка плавках – он обращался к лежавшей рядом женщине. Супруги едва сдержались, чтобы не рассмеяться, но лишь весело переглянулись и стали собираться – для первого раза солнца было достаточно.

– Может, тоже зайдем в кафе? – предложил Владимир Иванович, забрасывая пляжную сумку на плечо.

– Пожалуй...

Они заняли столик под навесом и заказали напитки. Елена Владимировна внимательно посмотрела на мужа и вдруг тихо рассмеялась:

– Что-то не так? – поднял глаза Владимир Иванович.

– Ты можешь представить себя в московском кафе в плавках?

– В московском – не могу. А здесь мы как все. Смешнее было бы, если мы оказались здесь в вечерних туалетах...

– Ага, – прыснула жена.

Неожиданно взгляд Владимира Ивановича застыл поверх ее головы. Зеленина это заметила и оглянулась: мимо проплывала высокая, красиво загорелая блондинка в огромных темных очках на пол-лица, в узком белом бикини, изящно подчеркивающим ее и без того безукоризненную фигуру. Женщина шла мягко, величаво, казалось, не замечая восхищенных взглядов, и только едва уловимая на губах улыбка выдавала, что ей, без сомнения, нравится находиться в центре внимания проходящих мимо людей...

Внезапно, поравнявшись со столиком Зелениных, незнакомка остановилась, не спеша сняла очки, осмотрелась и прошла к перилам променада – к тому месту, где располагалась одна из лестниц, ведущих на пляж. Сразу же в проеме лестницы замаячила коротко стриженная голова, затем показались загорелые плечи и, наконец, атлетически сложенный парень лет двадцати пяти, играя мышцами, перепрыгнул через последние ступени, взлетел наверх и вмиг оказался подле незнакомки. С самодовольной ухмылкой окинул ее взглядом и, не церемонясь, приблизился вплотную, почти касаясь ее тела.

К удивлению Елены Владимировны, та совершенно спокойно отнеслась к столь откровенной фамильярности; даже когда жилистая рука нахала скользнула на ее бедро и едва заметно притянула к себе. Парень что-то горячо прошептал блондинке на ухо, женщина улыбнулась, но тут же сделала строгое лицо, продолжая между тем слушать...

– Да они знакомы! – словно объясняя самому себе происходящую на глазах сцену, произнес Владимир Иванович.

– Она недурна... – покосившись на мужа, заметила Елена Владимировна.

– Красива... – согласился Зеленин, – но...

– ...но вульгарна! – вставила Елена Владимировна.

Зеленин насмешливо помотал головой:

– ...но ты лучше!

Елена Владимировна рассмеялась:

– Не сомневаюсь, хитрец! Однако, кажется, пора на обед...

Когда они вошли в просторную овальной формы столовую с роскошным видом из огромных окон-витрин, то вновь повстречали двух девочек, которых видели у бассейна. Обе в платьицах на тонких бретельках, они неторопливо проходили вдоль расставленных справа от входа столов с яствами и, тихо посмеиваясь, выбирали блюда. На них, снисходительно улыбаясь, посматривали две женщины – молодая официантка в белоснежном фартуке и статная дама, судя по строгому платью и властной осанке – заведующая. Завидя вошедших супругов, дама прошла навстречу.

– Здравствуйте, – приветливо, но с подчеркнутым достоинством улыбнулась она. – Вы заехали сегодня утром?

Владимир Иванович кивнул:

– Да, сегодня... Здравствуйте.

– Проходите, пожалуйста. Мне о вас сообщили. Я Вера Ивановна, заведующая. Приятного вам аппетита.

– Спасибо, Вера Ивановна...

Дама грациозно качнула головой, увенчанной высокой прической, ее бархатные глаза на мгновение прикрылись длинными густо накрашенными ресницами, и она, вежливо поведя рукой, пригласила супругов к столам с блюдами.

– Сколько вкусно! – восхищенно заметила Елена Владимировна.

Девочки отчего-то прыснули в кулачки и с шумом расселись за столиком у окна. Вера Ивановна бесстрастно посмотрела на них и подошла к Зелениным.

– У нас хорошая кухня. Думаю, вы ее оцените. Готовит лучший ресторан курорта...

– И все обедают здесь? – поинтересовался Зеленин.

– В общем – да. Семья Тарцевых практически ежедневно. Остальные тоже часто.

– Тарцевы? – переспросил Владимир Иванович. – Я знаю одного Тарцева... юриста.

– Нет. Александр Борисович, кажется, управляющий банком. По крайней мере – компаньон Мартина Марковича.

– Он что же, из Москвы?

– Из Ростова-на-Дону. Но банк, кажется, московский...

Зеленины заняли место за столиком.

– Приятного аппетита! Не буду вам мешать.

– Спасибо!

Заведующая вновь качнула прической и удалилась.

Вскоре девочки, похихикав, поднялись за десертом. В это время дверь столовой распахнулась, и невысокий полноватый мужчина пятидесяти лет быстрым шагом прошел в зал. Его сияющий взгляд быстро скользнул по присутствующим.

– День добрый, Вера, свет, Ивановна! – бросил он зардевшейся даме. – Всем приятного аппетита!

Последние слова явно относились к Зелениным, которые в ответ дружно кивнули:

– Спасибо!

Мужчина подошел к блюдам.

– Опять за сладости, проказницы? – с напущенной строгостью обратился он к стоявшим перед подносом с пирожными девочкам и, обняв одну из них за плечи, нежно поцеловал в темя. Та недовольно отстранилась.

– Да ну тебя! Мы уже поели. Вера Ивановна видела...

– Ели, ели, Александр Борисович, – отозвалась, улыбаясь, дама.

– Ну, если Вера Ивановна подтверждает, то – ладно! – засмеялся мужчина и, оставив в покое дочь, пронесся с подносом вдоль столов.

Неожиданно Елена Владимировна коснулась руки мужа и показала глазами на дверь. В столовую, неторопливо вышагивая, вошли нарядно одетая девочка лет трех-четырёх, за ней молодая женщина в изящном летнем платье, сквозь которое просвечивалась статная фигура. Владимир Иванович чуть не поперхнулся – в этой идеально сложенной красивой даме лет тридцати семи-восьми, он сразу узнал ту самую блондинку с пляжа, к которой только час назад столь недвусмысленно прижимался на виду у всех мускулистый парень.

Женщина нежно развернула малышку в сторону столов:

– А вон и наш папочка...

Девочка, растерянно поморгав, прошлепала к толстячку, накладывающему что-то в тарелку, и счастливо прижалась к его ноге.

– Что, принцесса, будешь есть? – спросил мужчина, продолжая наполнять поднос. – Сейчас мама тебе поможет... Саша, возьми Настеньку. У меня руки заняты.

Женщина подошла, взяла дочь за руку.

– Пойдем за тарелкой, – тихо сказала она.

– Вы у нас новенькие-свеженькие? – скороговоркой спросил мужчина Зелениных, присаживаясь за соседний столик. И, не дожидаясь ответа, представился:

– Александр Борисович.

Тот самый банкир Тарцев, одновременно сообразили Зеленины.

Мужчина, улыбнувшись, кивнул в сторону девочки-подростка, щебетавшей с ровесницей у окна:

– Это моя старшенькая – Наташенька. – Он перевел взгляд на женщину с ребенком. – А там – мои Настенька, младшенькая, и моя супруга, тетка, Александра Олеговна. Можно просто – Саша...

– Очень приятно. – Зеленин несколько смутился от неожиданно быстрого знакомства. – Владимир Иванович... А эта красивая женщина – моя жена, Елена Владимировна, – зачем-то попытался пошутить он.

Супруга укоризненно посмотрела на мужа, но толстячок принял шутку и весело причмокнул:

– Очень приятно! У нас с вами прекрасные жены!

В номер Зеленины поднялись молча. Елена Владимировна сразу прошла в спальню и принялась выкладывать вещи из чемоданов на многочисленные полки огромного шкафа. Владимир Иванович остался в зале, достал книгу и углубился в чтение. Наконец, закончив с вещами, Елена Владимировна присела рядом и, уставившись на экран телевизора, неожиданно произнесла вслух:

– Красивая, но какая аморальная особа!

Владимир Иванович оторвал глаза от книги.

– Ты о ком? – спросил он.

– О ней, банкирше... Замужняя женщина себя так не ведет!

– Ты имеешь в виду сцену на пляже?

– Прежде всего...

– Но согласись, эта сцена ровным счетом ничего не значит. Тот мужчина, возможно, хороший знакомый... Или коллега, друг семьи... Родственник, наконец!

– Скажешь тоже... Родственники тем более так себя не ведут!

– Однако за обедом, кажется, все было вполне благопристойно. Они показались мне весьма милым семейством... Впрочем, это не наше дело!

Елена Владимировна иронически покачала головой, но ничего не сказала.

Однако дальнейшие события этого насыщенного впечатлениями дня только укрепили сложившееся мнение Елены Владимировны о жене их нового знакомого.

Началось все с прибрежного ресторана, в котором Зеленины решили отметить свой первый вечер на юге. Они не сразу обратили внимание на молодую пару, сидевшую за столиком невдалеке. Вернее, они видели невзрачную девушку, обращенную к ним безжалостно обоженным на солнце носом, облупившимся лбом и нездорового цвета в пальми щеками. Но когда ее парень обернулся и обвел зал тоскливым взглядом, супружеский вечер чуть не был омрачен –

перед ними сидел тот самый атлет, который утром так бесцеремонно обхаживал на променаде жену банкира.

Первой его заметила Елена Владимировна.

– Ты только посмотри! – тихо воскликнула она. – Этот ловелас уже с другой!

Владимир Иванович взглянул на скупающую пару.

– И что с того? – безразлично отозвался он.

– Кажется, этот пострел везде поспеваает! – фыркнула Елена Владимировна.

– Отдыхает. Лучше выпьем за начало отпуска.

Елена Владимировна молча, не отрывая взгляда от соседнего столика, подняла бокал и Зеленин, усмехнувшись, прикоснулся к нему своим.

– Забудь, – мягко сказал он. – Ты лучше посмотри – какое звездное небо! А шум приборя... Да не смотри же ты на них! Может, это просто знакомая или родственница...

– Что-то у него много родственниц! Одна так даже с двумя детьми...

– Леночка, лучше скажи, ты звонила своей незабвенной Елизавете Петровне?

Намеренное упоминание о подруге на жену подействовало: Елена Владимировна с удивлением перевела взгляд на мужа.

– Что это ты вдруг вспомнил о Лизе? Любишь привязываться к ней...

– Это я-то привязываюсь? – засмеялся Владимир Иванович. – Это она к нам привязалась!

– Ты к ней несправедлив. Она моя лучшая подруга! Мы работаем вместе уже двадцать лет!

– Не сомневаюсь. И все-таки – ты звонила ей или нет?

– Конечно! Должна же я знать, что делается в родном издательстве. У Лизы от меня секретов нет.

– А у тебя от нее? Надеюсь, ты ничего не рассказала о свитке Володиной? – Зеленин внимательно посмотрел на жену.

Елена Владимировна растерянно промокнула салфеткой губы:

– Я только сказала, что у вас пропал сотрудник...

– И все? Без подробностей?

– Только в общих чертах...

Владимир Иванович откинулся на спинку стула.

– Ладно... А, впрочем, как я мог сомневаться! – вдруг насмешливо воскликнул он.

– Да ну тебя! – улыбнулась Елена Владимировна.

– Вот и развеселилась! А то забиваешь голову ерундой...

– И все-таки они друг другу не пара! – вставила она.

– Опять двадцать пять!

На сцене заиграл оркестр. От музыки и вина стало легко и приятно. Зеленины позабыли о молодых людях, скупающих напротив, стали болтать о всяких пустяках, мило шутить и, не обращая внимания на окружающих, танцевать – молча, нежно прижимаясь друг к другу...

Но вечер подходил к концу. Расплатившись, супруги вышли на променады, под светом фонарей которого неторопливо проплывали толпы утомленных солнцем отдыхающих.

Зеленины прошли к ограждению. Внизу, во тьме, дышало море, в мерном шуме которого слышалось шуршание прибрежной гальки, перекаत्याющейся под натиском набегавших волн. Вечерний бриз приятно освежал. Владимир Иванович обнял жену:

– Хорошо, не правда ли?

Елена Владимировна вздохнула:

– Неужели мы в отпуске? Не верится... Ты посмотри сколько звезд!

– Южное небо... – глядя вверх, мечтательно произнес Владимир Иванович. И, улыбнувшись, добавил:

– Звезд столько, сколько людей на этом берегу...

Зеленина рассмеялась:

– Шутишь?

Они постояли еще некоторое время.

– Ну, что, в отель? – Елена Владимировна повернулась к мужу, за спиной которого сверкали огни ресторана. Она вдруг встрепенулась:

– Эта пара, кажется, выходит... Как ты думаешь, они женаты?

– Я думаю, что пора их оставить в покое!

Елена Владимировна замолчала и, увлекаемая супругом, зашагала в сторону отеля – в конце променада начиналась тропа, ведущая к освещенной фонарями лестнице.

Они шли в потоке людей, уже не торопясь, перебрасываясь милыми фразами о всякой всячине, которая обычно лезет в голову, когда тебе хорошо, когда все заботы остались позади и когда рядом близкий тебе человек. Постепенно их разговор сам собой настроился на волну, самую теплую для их сердца – на детей. У Зелениных их было двое. Старший – летчик – служил на Дальнем Востоке; дочь недавно вышла замуж и теперь жила в Минске.

Неожиданно, словно что-то почувствовав, Елена Владимировна обернулась:

– Боже! Они за нами!

– Кто? – не сразу понял Зеленин.

– Этот «дон Жуан» и его пассия...

Владимир Иванович обернулся. В толпе, метрах в десяти от себя, он разглядел знакомую по ресторану пару.

– Ну, гуляют... Что с того?

Владимир Иванович ускорил шаг, увлекая жену за собой. Но любопытство Елены Владимировны уже было неодолимо – она то и дело оборачивалась, не обращая ни малейшего внимания на неудовольствие супруга.

Наконец, дошли до того места, где променады заканчивались, пересекаясь справа с улочкой, ведущей к курортному поселку. Чуть дальше начиналась галечная тропка к лестнице отеля. Зеленины выделились из массы прохожих, неторопливым потоком сворачивающих в проулок, и уже без спешки побрели по каменистой дорожке, освещаемой тусклым светом одиноко торчащих на уровне колен фонарей. Елена Владимировна оглянулась и, не разглядев за собой никого, облегченно вздохнула:

– Кажется, свернули...

– Ты несправима! – с досадой произнес Владимир Иванович.

Но через некоторое время позади послышалось шуршание гальки. Елена Владимировна вновь обернулась и прижалась к мужу:

– Идут за нами! Значит, живут в отеле! – зашептала она.

– Почему бы им и не жить? – рассеянно отозвался тот.

Войдя в номер, Елена Владимировна сокрушенно произнесла:

– Нехорошо, что они в одном и том же отеле...

– Они вольны останавливаться, где пожелают, – отозвался Владимир Иванович, сбрасывая туфли. – И вообще, не могу понять, отчего это тебя беспокоит? Живут в отеле – ну, и бог с ними! Не забивай себе голову чепухой!

– Но они живут в одном отеле! – изумилась безразличию мужа Елена Владимировна.

– Да кто они? – не выдержал Владимир Иванович.

– Как ты не понимаешь – этот парень и та пресловутая мать!

– Тьфу ты! – сплюнул в сердцах супруг. – Не хочу больше об этом слышать!

Елена Владимировна обиженно отвернулась и, фыркнув, прошла в спальню. Уже оттуда донесся ее голос:

– Вот увидишь, это ни к чему хорошему не приведет!

Владимир Иванович раздраженно покачал головой и плюхнулся в кресло. Но через минуту жена позвала:

– Володя, подойди...

– Что еще? – недовольно буркнул Зеленин.

– Кажется, кто-то рылся в вещах...

– С чего ты взяла?

– Подойди, увидишь...

Владимир Иванович нехотя прошел в спальню. Жена стояла перед открытым шкафом.

– Смотри – все полки перевернуты!

Зеленин заглянул за створку шкафа.

– Вещи как вещи... С чего взяла, что в них рылись?

– Но я же не так их складывала! Все было аккуратно разложено!

– Что-нибудь пропало?

– Вроде бы нет...

– А чемодан?

Елена Владимировна раскрыла соседние створки.

– И у чемодана карманы расстегнуты...

Владимир Иванович похолодел – свиток!

– Ах, я балда!

Он бросился к чемодану и торопливо просунул руку во внутренний карман.

– Что ты ищешь? – с недоумением спросила Елена Владимировна.

– Свиток! Я оставил его в чемодане... Его нет!

Владимир Иванович опустился на пол.

– Володя, прости! Сверток я взяла с собой, в сумочку, – растерянно произнесла жена. –

Я что-то сделала не так?

Зеленин изнеможенно откинулся к шкафу.

– Нет, Леночка, все так...

Елена Владимировна присела подле мужа.

– Ты думаешь... это Хагерт? – осторожно спросила она.

– Не хочется верить... Но кто-то же здесь был!

Х. Мартин Маркович

За завтраком Зеленины сидели за одним столом с Валерией и Михаилом Дикими. Это были те мужчина и женщина, которых вчера они видели плавающими в бассейне. Оба оказались столичными врачами, она – детским, он – спортивным, и обоим было примерно по сорок лет. Михаил – высокого роста и крепкого телосложения мужчина с выразительно сплюснутым носом – внешне, хотя и походил на сурового тренера по борьбе, в отличие от своей жены, бойкой хохотушки, показался Зелениным мягким и даже застенчивым. В «Дельфине» они отдыхали во второй раз, и Вероника – их единственный и, похоже, поздний ребенок – настолько сошлась прошлым летом со старшей дочерью Тарцевых, что весь год перезванивалась и, наконец, встретившись, уговорила позволить ей проживать в отдельном номере с Наташей.

Обо всем этом Зеленины довольно скоро узнали от Валерии Дикой, успевшей в течение пятнадцати минут знакомства весело поведать малознакомым постояльцам и о себе, и о собственном семействе. Но после упоминания Тарцевых Зеленина невольно стала поглядывать то на супругу банкира, сидящую здесь же, чуть поодаль, то на входные двери, хотя и не могла сказать определенно, что именно ожидала. Была только убеждена – похотливый культурист, что флиртовал с банкиршей на пляже, не посмеет явиться, пока ее муж завтракает. А если и явится, то без своей подружки из ресторана, которая, к великому сожалению, также проживала в «Дельфине»...

Однако, вопреки предположениям Елены Владимировны, на завтрак атлет-ловелас все-таки явился; и не один, а со своей вчерашней, все еще пылающей от солнечных ожогов подружкой.

Сначала, ни на кого не глядя, вошел он, выглядевший, как с обложки гламурного журнала – легкая двухдневная небритость, тонкие светлые брюки, обтягивающие узкие бедра, цветастая, навывпуск, рубашка «аля-Гавайи», рукава которой надувались накаченными мускулами...

Следом бесшумно выплыла она – вероятно, двадцатилетняя девушка – словно намеренно подчеркивающая своей внешностью его совершенство. Тонкая, нескладная, в невзрачном сером платье и с плохо сочетавшимся ядовито-желтым платком, повязанным на гусиной шее – она, казалось, стеснялась самую себя, поскольку, войдя в зал, ее и без того нездоровые щеки на глазах покрылись от смущения иссиня-бордовыми пятнами.

Елена Владимировна тут же бросила взгляд на жену банкира – в отличие от остальных постояльцев, та на вошедших даже не взглянула. Парень же быстро прошел к столам с блюдами и залпом, один за другим, опрокинул два стакана апельсинового сока. Его подружка робко провела взглядом по залу и негромко поздоровалась со всеми. Тут же со столика у окна раздался веселый девичий оклик – обе подружки махали ей поднятыми ладошками. Заметив их, девушка улыбнулась.

– Кто эти молодые особы? – спросила после завтрака Елена Владимировна, усаживаясь рядом с новой знакомой под часами диванной комнаты. Мужчины разместились в креслах напротив, и Валерия, чтобы не слышали мужья, придвинулась ближе.

– Некто Константин Сальников со своей подружкой Светланой. Кажется Делидовой или Демидовой... Видный парень, но кто таков и чем занимается – понять трудно. Оттого и странно, как здесь оказался, Мартин Маркович не любит постояльцев с улицы... Может, стриптизер...

Женщины с недоумением посмотрели друг на друга и вдруг прыснули в ладони. Мужья, глядя на них, снисходительно улыбнулись.

– Светлана – девушка неплохая, – успокоившись, прошептала Валерия. – Но, видимо, нездорова... Да еще обгорела. Загар для нее явно противопоказан. Сейчас страдает...

– Они не муж и жена?

– Не-е, – замотала головой Дикая. – Но приехали вместе и живут в одном номере...

– Бедная девочка, – покачала головой Елена Владимировна. – Он ей не пара...

– Точно, не пара, – согласилась Валерия.

– Мне кажется, он большой ловелас...

– Еще какой! – многозначительно, давая понять, что знает значительно больше, протянула докторша.

– Кажется, наши женщины разболтались, – заметил Зеленин, обращаясь к Дикому. – Вы не находите?

– Сошлись... – умиротворенно отозвался тот.

– Девушки! – шутливо обратился Владимир Иванович к женщинам. – Не пора ли на пляж?

– Да, да! – живо согласились они в один голос.

– Мы с Мишей обычно загораем напротив фонтана, – быстро проговорила Валерия. – Подходите туда. Мы будем одни – наша «дама» все время с Тарцевой... Совсем разгулялись, чертовки!

– Прелестные девочки, – улыбнулась Елена Владимировна.

К условленному месту Зеленины пришли первыми. Не дожидаясь новых знакомых, они искупались и, выйдя из воды, с удовольствием распластались на горячем песке, затерявшись среди множества других жадных до южного солнца людей.

– Знаешь, – сказала Елена Владимировна, доставая книжку из пляжной сумки, – со слов Валерии, всех отдыхающих в «Дельфине» Мартин Маркович подбирает сам...

Владимир Иванович перевернулся на живот.

– Ну, в нашем случае, это, кажется, соответствует действительности. – Он приподнял голову и, сощурясь, уставился на фонтан, бьющий из огромной каменной вазы в самом центре променада. – Почему бы это не относилось и к остальным?

Зеленина посмотрела на мужа:

– Даже к этому сердцеду Сальникову?

– К кому? – не понял Владимир Иванович.

– К тому самому культуристу, что обхаживал жену банкира.

Зеленин промолчал и вновь перевел взгляд на фонтан. На фоне брызжущих струй маячила спина высокого парня в белой футболке и шортах. Он явно кого-то ждал, нетерпеливо поглядывая по сторонам променада.

– Зовут его, оказывается, Константином, – продолжала Елена Владимировна. – Валерия говорит, что этот Сальников весьма темная личность...

Парень у фонтана повернулся и угрюмо оглядел пляж.

«Черт бы меня побрал! – мысленно выругался Зеленин. – Неужто этот самый “культурист”! Легок, однако, на помине...».

– Что удивительно, – не унималась Елена Владимировна, – он приехал сюда с этой милой дурнушкой – Светланой зовут. Они даже поселились в одном номере! Ты представляешь? Содом и Гоморра! Ты меня слушаешь?

Владимир Иванович повернулся к жене:

– Лена, оставь их в покое! Молодежь живет как хочет, штамп в паспорте для них не главное. Гражданский брак...

– Раньше это называлось сожительством, а не браком!

– Бог с ними, Лена! Меня волнует другое – как переговорить с Хагертом...

Елена Владимировна внимательно посмотрела на мужа.

– О дневнике? И как ты это себе представляешь? Ты спрашиваешь: «Не у вас ли, Мартин Маркович, дневник некой французской бабушки?» – «Какой такой дневник?» – отвечает Мартин Маркович. – Понятия не имею ни о каком дневнике!» Нет, Володя, я говорила, поездка сюда за этим – занятие пустое... И потом неизвестно еще, с кем мы имеем дело. Вчерашнее рытье в наших вещах – возможно, первая ласточка!

– Эта «ласточка» только подтверждает, что кто-то в отеле причастен к истории с Володиным и дневником, – пробурчал Зеленин.

– Этого мало? Ты посмотри – все здесь, похоже, одна компания Мартина Марковича...

– Мы тоже? – с раздражением отозвался Владимир Иванович. – Нельзя же так обобщать!

– Воркуете? – послышалось за их спинами. Зеленины обернулись – со стороны моря подходили Дикие.

– Загораем... – Зеленин перекинул пляжную сумку, освобождая место на песке. – Располагайтесь!

Он бросил взгляд на променады: перед насупившимся парнем теперь стояла рыжеволосая женщина и, отчаянно жестикулируя, что-то выговаривала ему.

«Уже третья! Ну, ты и хлыщ!» – подумал Зеленин и вдруг испугался – только бы не видела Елена!

К счастью, жена увлеченно беседовала с новой знакомой...

Вскоре разговорились и мужчины. Изредка посматривая на променады, Владимир Иванович заметил, как женщина, выговорившись, вдруг оттолкнула приблизившегося было Сальникова и, что-то сказав, быстро пошла прочь. Атлет некоторое время смотрел ей вслед, затем сунул руки в карманы шорт и медленно побрел в противоположную сторону. Владимир Иванович хотел было уже отвернуться, как неожиданно из тени стоявшего рядом кафе вышла девушка. Зеленину она показалась знакомой. Ба! Да это же обгоревшая подружка Сальникова!

Девушка прошла к фонтану и внимательно посмотрела в спину удаляющемуся парню...

«Вот ты и влип!» – злорадно подумал Владимир Иванович и отвернулся.

С пляжа Зеленины возвращались одни – Дикие решили зайти на рынок. Поднявшись во двор отеля, издали увидели Хагерта, выходящего из здания. Он также их заметил и остановился. Елена Владимировна невесело прошептала:

– Твои намерения услышаны... Кажется, он настроен с тобой говорить!

Владимир Иванович промолчал. Хагерт действительно направлялся в их сторону.

– Как отдыхается ученому люду? – приблизившись, улыбнулся хозяин отеля. – Здравствуйте, Владимир Иванович! Вчера показалось, вы хотели меня о чем-то спросить...

Зеленин искоса посмотрел на жену – нахаманила!

– Да, но...

– Может, заглянете ко мне? – неожиданно предложил Мартин.

– Мы в таком виде... – смутилась Елена Владимировна.

Мартин рассмеялся:

– Вы же на юге, дорогие мои! У вас самый приличный вид курортников! А я, как обещал, покажу кое-что из моей коллекции. Прощу вас!

Они свернули за высокий кустарник и, пройдя мимо хозяйского флигеля, подошли к одноэтажному домику с ярко-синей крышей. В нем и располагался кабинет Хагерта, именуемый в отеле «офисом». Мартин отворил дверь.

– Проходите, пожалуйста! Вот здесь, когда бываю в отеле, и работаю...

Сначала они попали в просторную прихожую, обставленную шкафом, столиком у окна напротив входа, креслом и несколькими стульями. Затем через дверь справа, открывающуюся почему-то вовнутрь, прошли в светлое помещение с двумя огромными окнами во двор.

Кабинет показался Зелениным уютным. У передней стены стоял дорогой, из черного дерева письменный стол, с приставленным к нему столиком и двумя стульями. Позади стола – невысокий книжный шкаф, встроенный в стену, пространство над которым вдоль всей его ширины занимала старинная картина, изображавшая безмятежный неаполитанский пейзаж. Вдоль левой стены расположился обитый темной кожей диван, по сторонам которого покоились одинакового с ним стиля кожаные кресла. Над диваном висела более скромная по размерам, но столь же искусная картина старого мастера, изображавшая в полуобороте гусара на вздыбленном вороном коне с опущенной, словно в момент приветствия, обнаженной саблей. Остальное пространство стен занимала коллекция холодного оружия.

Последними элементами кабинета были узкая, приоткрытая дверь, за которой виднелся край высокого сейфа, и в левом углу – почерневшие от времени напольные часы, деревянный корпус которых украшали фигурки обезьян и птиц, тонко вырезанных на фоне тянущихся снизу вверх лиан и многочисленных листьев. Увенчивал орнамент слон, возвышавшийся над огромным, почти на половину высоты часов, циферблатом с тремя полями стрелок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.